

ВЕСЬ ЯВОРНИЦКИЙ

БЫТ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЩИНЫ

Том 1

*Его
императорскому
высочеству наследнику
цесаревичу и великому
князю Николаю
Александровичу,
Атаману всех казачьих
войск, всепреданнейше
посвящает автор.*

Предисловие

В основание настоящего труда легло десятилетнее изучение жизни и военных деяний запорожских казаков, прославивших себя бессмертными подвигами в борьбе за веру, народность и отечество. Вся «История запорожских казаков», по плану автора, выйдет в трех томах, причем первый том посвящен исключительно изображению внутреннего быта запорожской общины, второй и третий тома посвящены фактическому изложению событий казацких деяний начиная с конца XV и кончая второю половиной

XVIII века. Главным пособием при изображении судеб Запорожья, помимо печатных южнорусских летописей, польских хроник и различных мемуаров, для автора труда служили писанные документы, разбросанные во многих местах России по государственным архивам и частным хранилищам (в Одессе, Киеве, Екатеринославе, Харькове, Москве, Петербурге, Архангельске, Соловецком монастыре) и так или иначе касающиеся жизни и военных подвигов запорожских казаков. Но кроме архивных материалов в основание «Истории» легло и многолетнее изучение автором топографии Запорожского края: изучению топографии края автор всегда придавал огромное и первейшее значение, и потому, прежде чем взяться за изображение исторических судеб войска запорожских низовых казаков, он много раз объезжал все места бывших Сечей, много раз плывал по Днепру, спускался через пороги, осматривал острова, балки, леса, шляхи, кладбища, церковные древности, записывал казацкие песни, народные предания, вскрывал погребальные курганы и изучал все более или менее значительные частные и общественные собрания запорожских древностей. Во всем этом он руководствовался исключительно любовью к запорожским казакам, зародившейся у него еще с очень раннего детского возраста, когда отец его, грамотей-самоучка, читал

ему бессмертное произведение Гоголя «Тарас Бульба» и заставлял шестилетнего мальчика рыдать горькими слезами над страшной участью героя повести. Впечатление детства так было сильно, что привело автора, уже в зрелом возрасте, сперва к пешему хождению, а потом и к поездкам по запорожским урочищам. Эти поездки из года в год повторялись и под конец сделались для него столь же необходимы, как необходимы человеку пища, питье и воздух. Этим обстоятельством объясняется тот страстный тон и те невольные ошибки, которыми проникнут и исполнен первый печатный труд автора «Запорожье», так недружелюбно встреченный рецензентом господином Житецким, но с полной объективностью оцененный известным учено-литературным деятелем господином Пыпиным. В настоящем труде автор старался исправить прежние ошибки и заблуждения и потому в состав его ввел из прежних своих работ только пять глав, да и то в совершенно исправленном и дополненном виде. По примеру прежних изданий автор нашел нужным иллюстрировать и настоящее издание, чтобы сделать его полезным не только для людей, интересующихся одной историей, но и для людей, которые пожелали бы художественно изобразить тот или другой момент из исторической жизни запорожских казаков. В этом случае он пользовался

указаниями и альбомами известного художника Ильи Ефимовича Репина. Впрочем, зная по опыту, каких громадных денег стоят у нас, в России, иллюстрированные издания, автор «Истории» не смел бы и мечтать о том, если бы к нему не пришел на помощь просвещенный любитель запорожской старины — землевладелец Херсонского уезда Николай Николаевич Комстадиус. В заключение автор «Истории» не может не привести для читателя отрывка из введения, сделанного в прошлом веке малороссийским летописцем Самуилом Величко в его «Летописи событий Юго-Западной России». «Ласковый читатель, если тебе в настоящем моем труде что-либо покажется зазорным и несправедливым, то, быть может, оно так и есть. Ты же, когда бы тебе удалось достать более совершенных и других каких-либо казацких летописцев, отложивши свою лень и благоденствие покрывши в этом деле мое невежество, сообразно с теми летописцами, не уничтожая, однако, и моего ничтожного труда, волен исправить все данным тебе от Бога разумом! Да и трудно человеку «домацаться» во всем правды и знания, и если более ранние описатели казацких деяний в своих трудах ошибаются, то с ними ошибаюсь и я, согласно слову Писания, что всяк человек ложь есть».

Глава 1. Границы вольностей запорожских низовых казаков

Границы вольностей запорожских казаков в разное время и от различных обстоятельств постоянно менялись. Отсюда определить с точностью пределы земли низовых казаков довольно затруднительно, а иногда, при отсутствии каких бы то ни было на этот счет указаний, и совершенно невозможно. Первыми указателями в этом вопросе являются малороссийские летописцы; но наиболее достоверные и точные из них ограничиваются в данном случае слишком общими указаниями: «Поляки, приняв в свою землю Киев и малороссийскую страну в 1340 году, спустя некоторое время всех живущих в ней людей обратили в рабство; но те из этих людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владеть мечом и не признавали над собой рабского ига — те, не вынеся гнета и порабощения, стали самовольно селиться около реки Днепра, ниже порогов, в пустых местах и диких полях, питаясь рыбными и звериными ловлями и морским разбоем на басурман. Польский король Сигизмунд I (1507–1548) прежде всех даровал казакам в вечное владение землю около порогов, вверх и вниз по обеим сторонам Днепра, чтобы они не позволяли татарам и туркам нападать на русско-польские

земли. За Сигизмундом I король Стефан Баторий (1576–1586) кроме давнего старинного складового города Чигорина дал в пристанище низовым казакам город Терехтемиров с монастырем, для постоянного жительства в нем в зимнее время»¹. К сожалению, грамота короля Стефана Батория на пожалование запорожцам означенных земель и городов в подлиннике не дошла до нас; копия же с грамоты, сильно подверженна я сомнению в целом ее виде, ничего не прибавляет к тому, что сказано было по этому поводу малороссийским летописцем: «Передает его королевское величество (1576 года, августа 20 числа) казакам низовым запорожским навечно город Терехтемиров с монастырем и перевозом, опричь складового старинного их запорожского города Чигирина, и от того города Терехтемирова на низ по-над Днепром-рекою до самого Чигирина и запорожских степей, к землям Чигиринским подошедших, со всеми на тех землях насаженными местечками, селами, хуторами, рыбными по тому берегу в Днепре ловлями и иными угодьями; а вширь от Днепра на степь доколе тех местечек, сел и хуторов — земли

¹ Григорий Грабянко. Летопись. Киев, 1854.

издавна находились»².

С той же неопределенностью границ вольностей запорожских казаков встречаемся мы и шестьдесят восемь лет спустя после смерти польского короля Стефана Батория, когда запорожцы из-под власти Польши перешли под протекцию России, заодно с малороссийскими казаками и их гетманом Богданом Хмельницким. В царской грамоте на этот счет говорится лишь, что запорожские казаки будут пользоваться прежними правами и привилегиями, каковые даны были им от королей Польских и великих князей Литовских³. Впрочем, год спустя после этого, в 1655 году, 15 января, запорожские казаки получили будто бы универсал от гетмана Богдана Хмельницкого (дошедший до нас также в копии и также сильно подверженный в общем его виде сомнению), впервые определявший более или менее точно границы вольностей запорожских казаков: «А теперь также владеть им старинным городком запорожским, Самарь называемым, с перевозом и с землями вверх по Днепру до речки Орель, а вниз — до самых степей ногайских и крымских; а через

² Миллер. О малороссийском народе. М., 1846.

³ Самуил Величко. Летопись. Киев, 1848, II.

Днепр и лиманы Днепровые и Буговые, как испокон веков бывало — по Очаковские улусы; и вверх по реке Бугу до реки Синюхи; от Самарских же земель через степь — до самой реки Дона, где еще до гетмана казацкого Предслава Лянцкоронского казаки запорожские свои зимовники имели; и то все чтобы ненарушимо вовеки при казаках запорожских осталось»⁴. Слова приведенной копии гетманского универсала оправдываются лишь тождественным показанием границы вольностей запорожских казаков на западной границе, по Бучачскому миру, заключенному в 1672 году, 18 октября, в Галиции: по этому миру польский король Михаил Вишневецкий уступил турецкому султану Магомету IV всю Подолию и Украину, а пограничной чертой владений запорожских казаков определена была речка Синюха, впадающая в Буг с левой стороны⁵.

Той же неопределенностью отличаются показания границ вольностей запорожских казаков и в 1681 году, когда шел вопрос о Бахчисарайском перемирии между Россией и Турцией. В то время южной границей между вольностями запорожских

⁴ Миллер. О малороссийском народе. М., 1846.

⁵ Соловьев. История России. М., 1880, XII.

казаков и кочевьями татар определялись реки Днепр и Буг. Как указывают «Записки Одесского общества истории и древностей»: «В перемирные годы от реки Буга и до помянутого рубежа реки Днепра турки не должны строить новые города и восстанавливать старые казацкие разоренные города и местечки, надлежит оставить их пустыми и не принимать перебежчиков. Крымским, очаковским и белгородским татарам разрешается кочевать со своими стадами по обе стороны Днепра (и по сей и по той стороне Днепра быть берегу и землям султана величества Турецкого), в степях около речек; запорожским и городovým казакам, промышленным людям разрешено плавать для рыбной ловли, звериной охоты и соляного промысла Днепром и всеми степными речками обеих сторон Днепра до самого устья Черного моря». В 1686 году Польша, заключая тринадцатилетнее перемирие с Россией и уступая ей Киев, Смоленск и другие города, в то же время отказывалась и от всего Запорожья. Как записано в актах, изданных археографической экспедицией в 1836 году: «Вниз рекою Днепром от Киева до Кодака, и тот город Кодак, и Запорожский Кош, город Сечь, и даже до Черного леса и до Черного же моря, со всеми землями и с реками, и с речками

и всякими принадлежащими землями, чем владели исстари запорожцы»⁶. В конце этого же столетия, по Карловицкому миру, заключенному в 1699 году, 26 января, между Австрией, Венецией, Турцией и Польшей, последняя получила обратно Украину, Каменец и Подолию, а западной границей владений запорожских казаков по-прежнему считалась речка Синюха, впадающая в Буг⁷.

Мало данных представляет для решения вопроса о пределах вольностей запорожских казаков и трактат 1700 года о тридцатилетнем перемирии между Россией и Турцией: здесь находятся указания лишь на южную границу запорожских владений. «Поднепровские городки все разорить, местам, на которых они стояли, быть в султанской стороне пустым, да и всем землям по Днепру от Сечи Запорожской до Очакова быть пустыми же; только на половине между Очаковым и Кизыкерменем быть поселению для перевоза через Днепр всяких проезжих и торговых людей, быть около того населения окружению с ровиком и крепостцою, селу приличному, а вида городской

⁶ Акты, изданные археографической экспедицией, 1836, IV, № 290, 430.

⁷ Соловьев. Указ. соч.

крепости и никакой обороны то окружение чтобы не имело. Азову городу со всеми старыми и новыми городками и меж теми городками лежащими землями и водами быть всем в Державе царского величества, а от Перекопа и от края моря Перекопского до первого нового азовского городка — Миюсского — землям быть праздными»⁸. По этому трактату, барьером между вольностями запорожских казаков и кочевьями ногайских татар признаны были земли от реки Большой Берды до города при устье реки Миюса, где она впадает в Азовское море, и от Миюса к Дону; ниже этого барьера запорожцам воспрещалось переходить на морские косы, лиманы и озера для рыбной ловли.

Только в «межевой записи» 1705 года, 22 октября, между Россией и Турцией, подписанной у реки Буга русским думным дьяком Емельяном Игнатьевичем Украинцевым и турецким пашой эффенди Коч Мегметом, мы впервые встречаемся с точным и более или менее подробным определением границ запорожских вольностей, но и то с одной лишь юго-западной стороны, от рубежа Польши. «Початок границ от польских концов, где польская граница кончается рекою Бугом, до наших комиссарских обозов, и от наших комиссарских

⁸ Соловьев. Указ. соч. М., 1879, XIV.

обозов ходу рекою Бугом за два часа до Ташлыка, который называется по-турецки Великий Конар, и от Великого Конара полем поперек реки Мертвовод, а перешедши Мертвовод — полем через Еланец, который по-турецки называется Ингулою; потом, перешедши Великий Ингул — полем до речки Висуни, а Висунь поперек перешедши — полем до Малого Ингульца; а перешедши Малый Ингулец — через брод Бекеневский, который от кызыкерменских пустых мест в десяти часах, а от того броду — полем прямо до устья речки Каменки, где она впадает в Днепр; а от кызыкерменских пустых мест до того места — четыре мили, и тем кончится граница»⁹. Впрочем, в этой же самой записи сделана оговорка, что «подданные его царского величества вольно могут ходить на Лиман и на Черное море для всяких своих пожитков, токмо смирно и без оружия». Так определялась юго-западная граница запорожских вольностей. Что касается юго-восточной границы, то она, как это видно из генеральной карты де Боксета 1751 года, шла от устья речки Каменки вверх по Днепру, где в него впадает река Конка с Плетеницким лиманом, далее — вверх по Конке против ее течения, потом — по-над верховьями

⁹ Полное собрание законов. Т. IV, статья 2077.

речек Бердинки, Средней Берды, Крайней Берды и, наконец, по реке Большой Берде до самого устья, изливающегося в Азовское море.

С 1709 по 1733 год запорожские казаки жили на землях татарских: сперва — на границе русских владений по речке Каменке, впадающей в Днепр с правой стороны, в 30 верстах выше города Кизыкерменя, а потом — гораздо ниже русско-татарской границы, в урочище Алешках, за речками Конкой и Чайкой, с левой стороны Днепра. То было время, когда запорожские казаки, с кошевым атаманом Константином Гордеевичем Гордиенко во главе, желая видеть, как цитирует господин Маркевич в своей «Истории Малороссии», «свою отчизну, милую матку, и войско запорожское, городовое и низовое, не только в ненарушимых, но и в расширенных и размноженных вольностях изобильную, отделись в оборону наияснейшего короля его милости шведского, Карла XII»¹⁰; тогда они поплатились за то лишением своих вольностей в пределах России и перешли в подданство турецкого султана и крымского хана. Но это продолжалось лишь в течение двух лет. По несчастному для Петра I, в 1711 году заключенному, Прутскому миру он

¹⁰ Маркевич. История Малороссии. М., 1842, IV.

должен был уступить Турции большой угол земли, как записано в Летописи Самовидца, «начиная снизу от Азова и идя вверх к северу до половины течения реки Орели, отсюда поворотив под тупым углом до устья той же реки Орели, изливающейся в Днепр; от устья Орели, перейдя Днепр, — вверх по-над правым берегом Днепра до местечка Крылова; от местечка Крылова, поворотив от севера к югу, по верховьям рек Ирклеи, Ингульца, Ингула и до верховья речки Выси; от речки Выси по речке Синюхе и до устья ее при реке Буге». Отдав туркам этот огромный угол земли, Петр I в то же время должен был собственными войсками разорить русские крепости — «Новобогородицкую при устье Самары, Кодацкую на правом берегу Днепра, против первого порога, и Каменный Затон, ниже Никитина, и обязался не беспокоить запорожских казаков, отнять от них свою руку и не вступаться в них»¹¹. Тогда запорожцы де-юре сделались вновь обладателями прежних своих вольностей: они раскинули свои хутора и зимовники по очаковской стороне, от Переволочной до самого Буга, и по крымской — от реки Самары до Азовского моря; на этом

¹¹ Летопись Самовидца. Киев, 1878; Брикнер. История Петра Великого. СПб., 1882, II.

пространстве они могли заниматься охотой, не заводя, однако, оседлостей¹².

Но с 1734 года запорожские казаки снова перешли под власть России. Тогда, после побед русских полководцев Миниха и Ласси над турками и татарами, в соучастии с запорожскими казаками, между Россией и Турцией заключен был в 1739 году, 18 сентября, Белградский мир¹³, а в 1740 году, 4 ноября, учинен был особый «инструмент» при реке Великом Ингуле русским уполномоченным, тайным советником Иваном Ивановичем Неплюевым и турецким комиссаром Мустафою Беем Селихтаром Кятибы с двумя товарищами. По этому «инструменту» владения запорожских казаков определялись с западной стороны прямой линией от устья Синюхи и до впадения Берды в Азовское море. Полное собрание законов повествует нам: «Прибыв в близость реки Буга, комиссары державы Оттоманской, для лучшей способности, по общему согласию, немедленно перешедши оную реку, стали лагерем при берегу оной, и от обеих сторон, поставив между

¹² Мышецкий. История о казаках; Генеральная карта де Боксета 1751 г.

¹³ Записки графа Миниха. СПб., 1874.

лагерей по одной палатке для конференции; и по нескольких конференциях, спорах и рассуждениях, наконец наилучшим образом между собою согласились и постановили на основании инструментов, данных от определенных комиссаров обеим сторонам в 1705 году, то есть по-турецки — 1118 года: так постановлена граница следующим образом, что начало сих границ от окончания польских¹⁴ идет вниз рекою Бугом, расстоянием через шесть часов от Ташлыка, то есть Великого Конара¹⁵, и будучи там, место Конар само собою знатно, того ради не рассуждено тут знаков чинить; а от Конара — ведена граница полем прямою линией, и в расстоянии от оногo в десяти верстах, перешедши реку Гарбузину, постановлены два знака: с российской стороны — квадратный, а с турецкой — круглый; и оттуда, не будучи соглашены, как продолжить до окончания вышереченное дело, стали лагерем при реке Мертвых Водах и держали многие конференции и споры о разграничении границ, понеже в

¹⁴ От устья реки Кодыми, где и теперь находится местечко Концеполь.

¹⁵ Та же балка Большой Сухой Ташлык, ниже р. Корабельной, свыше 40 верст от конца польской границы.

вышеупомянутом инструменте 1705 года написано, что граница будет разграничена чрез устье реки Еланца, впадающей в Великий Ингул, но экспериенция показала — она впадает в Буг, и тако вменилось вместо Еланца устье реки Громоклеи, впадающей в Великий Ингул, в чем затруднение нашлось. Ибо подданные державы Оттоманской нужду в лесе, который по берегу той реки Громоклеи находится, имеют и прежними временами им пользовались. И потому они перешедши Гарбузинку тою же линиею до реки Мертвых Вод, расстоянием знаков двенадцать верст, а по переходе Мертвых Вод постановлено два знака, а от тех знаков — линией к старой мечети, на реке Солоне стоящей, в расстоянии 17 1/2 верст, и при оной мечети с левой стороны поставлено два знака; а потом перешедши линиею оную реку в расстоянии 7 верст, также перешедши реку Еланец, поставили два знака; и оттуда линиею расстоянием 21 верста до старой мечети, которая при берегу реки Громоклеи, и с левой стороны той мечети поставлено два знака, и на оной два ж знака, а от тех знаков идет граница по берегу оной реки Громоклеи даже до реки Великого Ингула, оставляя лес весь, по берегу той реки Громоклеи стоящий, державе Оттоманской, потому еще в двух местах сделаны знаки, да еще при переходе Великого Ингула два ж знака, и при тех, перешедши ту реку

Ингул, напротив поставлено два ж знака, а от тех, идучи к Бекелевскому броду, в расстоянии 39 верст, перейдена река Висунь и сделано два ж знака; а оттуда идет граница через Бекеневский брод, который, как трактат 1705 года гласит, в расстоянии 10 часов от Кизыкерменя; и от того брода идет граница полем прямо на устье реки Каменки, где она впадает в Днепр в расстоянии четырех миль от Кизыкерменя»¹⁶.

С восточной стороны владения вольностей запорожских казаков оставались в пределах межевой записи 1705 года: начав от реки Конки, впадающей в Днепр, против Каменного Затона и Плетеницкого лимана, далее — вверх по ее течению и отсюда, поворотив с запада на восток, — по степи прямою линией по-над вершинами речек Токмака, Бердники, Средней Берды, Крайней Берды до речки Большой Берды и, наконец, по течению этой последней до самого ее впадения в Азовское море ¹⁷. Однако и для определения границ вольностей запорожских казаков с восточной стороны потребовалась также особая комиссия с русской и турецкой стороны. По новому

¹⁶ ПСЗ. Т. XI, № 8276.

¹⁷ См. Генеральную карту де Боксета и Капниста 1751 г.

«инструменту», учиненному в 1742 году русским уполномоченным князем Василием Аникитичем Репниным и турецким комиссаром пашой Хаджи Ибрагимом Капыджи, границы вольностей запорожских с восточной стороны определялись следующим образом, согласно все тем же «Запискам Одесского общества истории и древностей»: «Начав от вершины реки Конки, с обеих сторон поставили по одному кургану; от тех курганов прямою линией расстоянием четверть часа — по такому же кургану; оттуда тою же линией в том же расстоянии — еще по одному кургану; при западной вершине реки Большой Берды — также по одному кургану. От вершины реки Конки до западной границы Большой Берды расстояние — всего три четверти часа; между помянутыми реками, к полуденной стороне, вся земля отошла к Оттоманской империи; а с полуночной стороны — к Российской империи; а от равнин к реке Большой Берде и до нового города — Мюсского, — находящегося в том месте, где в Азовское море впадает река Мюс, — во всем быть без перемены по тракту и конвенции о границах 1700 года; река же Конка, даже до впадения ее в Днепр, утверждается вместо пограничных знаков и оставляется обеими от впадения ее вниз по Днепру; помянутыми реками дозволяется пользоваться подданным обеих империй без нарушения. И по

тому разграничению начало границ — от вершины реки Конки, а конец — у нового города, который стоит при впадении Миюса в Азовское море»¹⁸.

Этим договором определены были новые границы, дававшие России право провести за рекою Самарою новую линию — более удобную, нежели старая, для прикрытия Украины от набегов татар, и более близкую — для того, чтобы предпринять завоевание Крыма, напасть на Очаков и действовать на Черном море¹⁹. Тем же договором, по указу сената 1743 года, 16 ноября, дозволено было малороссиянам строить хутора и пользоваться землею по реке Самаре; этим воспользовались жители Полтавского полка и заняли полосу земли между левым берегом Орели и правым Самары, — которую искони веков запорожские казаки считали своей землей. Для большей крепости полтавцы захватили даже город Старую Самару (Богородицкую крепость) и поставили в ней свою сотню; но, по предписанию сената 1744 года, 23 августа, «старосамарцам в вольности запорожские

¹⁸ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. II, отд. II, III.

¹⁹ Записки графа Миниха. СПб., 1874.

мешаться запрещалось»²⁰, а город Старая Самара войску запорожскому возвращался и впоследствии (в 1762 году) разорен был запорожскими казаками. В 1745 году велено было поселить на границе Украины девять ландмилицких полков; для чего определялось взять от юго-восточной границы Украины внутрь линий на 40, и за линию — на 30 верст земли. Тогда украинцы, перешагнув Орель, заняли здесь на 30 верст к востоку от левого берега ее луговые места, завели хутора и селения, между прочим, слободу Куриловку, основанную Китайгородским сотником Семеновым, которую потом запорожцы, заняв орельские места войсками, перенесли в другое место и назвали ее, по имени кошевого, Петровской, или Петриковской²¹. С этих пор начался продолжительный и ожесточенный спор между старосамарцами, с одной стороны, и запорожцами — с другой.

В это же время возник спор из-за пограничных владений на восточной границе запорожских вольностей, между запорожскими и донскими казаками. Чтобы покончить с распрями между донцами, старосамарцами и запорожцами,

²⁰ Яворницкий. Сборник материалов. СПб., 1888.

²¹ Григорий Миллер. Исторические сочинения. М., 1846.

правительство Елизаветы Петровны издало особый указ 1746 года, 15 апреля, считать границы запорожских вольностей с восточной стороны, от реки Днепра речками Самарой, Волчьей, Бердой, Калчиком, Кальмиусом и «прочими, впадающими в них реками и принадлежащими к тем речкам косами, балками и всякими угодьями — по прежнюю 1714 года границу, которая оставлена в стороне Российской империи, и по последнему разграничению с Оттоманской Портой»²².

Однако споры из-за пограничных владений на северной стороне продолжались и после этого. В 1752 году, 5 октября, запорожские казаки подали жалобу на высочайшее имя императрицы Елизаветы Петровны, что полтавский полковник Горленко представил гетману графу Кириллу Разумовскому, будто бы старосамарцы владели обеими сторонами реки Самары, со всеми ее лесными и другими угодьями, начиная от устья и дальше вверх на 50 верст и более, и просил гетмана те земли у запорожских казаков отобрать. Запорожские казаки, напротив, доказывали, что хотя старосамарские жители в тех вольностях и лес рубили, и сено косили, и рыбу ловили, и землю пахали, и пчелу разводили, но делали то по

²² Яворницкий. Сборник материалов, 135.

дозволению войска запорожского и самарских полковников за известную, отбираемую от них в пользу войска, десятину²³. Тогда от запорожских казаков потребовали подлинные документы на право владения их вольностями; по этому требованию кошевой Данило Стефанов Гладкий отправил в войсковую малороссийскую генеральную канцелярию копию с универсала гетмана Богдана Хмельницкого, 1655 года, и указа императрицы Елизаветы Петровны, 1746 года, и просил гетмана графа Кирилла Разумовского, чтобы и он, «по силе того гетмана Богдана Хмельницкого универсалу», подтвердил собственным универсалом же права запорожцев на их земли. Но гетман Разумовский, на основании одних копий с документов, никем не засвидетельствованных, исполнить просьбу запорожцев отказался. Он потребовал, чтобы запорожцы, а с ними вместе и старосамарцы, представили подлинные документы, выслали депутатов от войска, назначили следователей с той и другой стороны и законно указали, «по какие точно места владение запорожского войска должно простираться и какими землями старосамарские жители прежде владели и ныне им владеть

²³ Яворницкий. Сборник материалов, 47.

надлежит»²⁴. Созванные по этому поводу запорожские старожилы также подтвердили, что войско запорожское издавна владело угодьями по Самаре до речки Орели, посему Кош вновь просил через гетмана императрицу Елизавету Петровну, чтоб полтавскому полку в Самаре и в прочих тамошних местах во владении, по силе означенном 1746 года правительствующего сената указом, отказать и туда в Самарь ни за чем тому полку и старосамарским жителям мешаться не велеть»²⁵. На эту просьбу запорожских казаков последовал в 1756 году, 10 августа, следующий ответ: «Хотя войско запорожское просило об отказе старосамарским жителям во владении самарскими местами и о даче тому запорожскому войску на все владеемые ими с давних времен земли и угодья грамоты, то понеже о всех владеемых ими, запорожцами, землях и угодьях, кроме вышереченных, в 1746 году определенных мест, в нашем правительствующем сенате точного известия и описания нет, а грамоты 1688 и универсалы 1655 годов, на которые они, запорожцы, ссылаются, как здесь, в

²⁴ Там же, 78.

²⁵ Там же, 132, 133.

малороссийских делах, так и в Москве, в архиве коллегии иностранных дел, не нашлось, також хотя от запорожского войска в 1752 году от 5 октября писано, что когда гетман Богдан Хмельницкий со всем малороссийским народом под всероссийскую державу поддался, в то время, и еще наперед и после того войско запорожское рекою Днепром от Переволочной и впадающими по обе стороны в оную реку Днепр всеми речками и другими угодыями, а паче речкою Самарою и имеющимися в оной лесами, степями и прочими угодыями владели, а малороссийские жители якобы никогда тою землею не владели, то оное войско запорожское представляет весьма напрасно, и им, запорожцам, столь многих земель, как они пишут, даже по самую Переволочну присвоив, допустить не следует, ибо когда гетман Богдан Хмельницкий с народом малороссийским под высоковластную державу Российской империи в подданство пришел, в то время все города, села и деревни и оное войско запорожское состояли в одной дирекции гетманской и между Малою Россиею и войском запорожским границ не было, но где имелись не занятые поселением пустые земли и лесные угодыя, — там как запорожским, так и малороссийским казакам в пристойных местах пасеки держать, рыбу и зверей ловить было невозбранно, а на землях Сечи Запорожской в то

время никаких мест и селений особых не бывало»²⁶.

В 1751 году границы вольностей запорожских казаков также значительно сократились, вследствие отдачи некоторой части их под поселения вышедших в Россию сербов и румын. Сперва, в 1752 году, явились в Россию сербы с Иваном Хорватом во главе; они заняли северо-западную окраину Запорожских степей и образовали здесь так называемую Новую Сербию с крепостью Св. Елизаветы, названной в честь имени императрицы Елизаветы Петровны, состоявшей из правильного шестиугольника и имевшей вместе с внешними укреплениями до 6 верст в окружности. Новосербам даны были лучшие земли теперешней Херсонской губернии по речкам Тясьмину, Выси, Синюхе и верст 60 южнее степи между Бугом и Днепром. Целью поселения новосербов была охрана окраины русских земель от запорожцев и татар. Охрана эта состояла в том, что новосербы строили ряд земляных шанцев и форпостов, в которые сажали милицию, наблюдавшую за всяким движением казаков и татар. Так, в Тресагах, на речке Выси, у польской границы, устроена была пятиугольная крепость, а разные другие селения укреплены были

²⁶ Яворницкий. Сборник материалов, 136, 137.

четырёхугольными шанцами и названы вместо русских имен именами крепостей австрийской военной границы: Ольховатка — Панчовым, Нестеровка — Вершацом, Огецовка — Шолмошем, Андрусовка — Чонградом, Плахтиивка — Зимунем и т. п. Для того чтобы предупредить набеги запорожцев и татар на Новосербию и дальше, поселенцы ставили на высокие курганы обвязанные соломой шесты и, при первых признаках опасности, зажигали их огнем и тем самым ставили жителей в оборонительное положение²⁷.

Вслед за сербами Ивана Хорвата пришли в Россию, в 1753 году, из Австро-Венгрии славяносербы с Иваном Шевичем и Райком Депрерадовичем во главе; они заняли северо-восточные окраины запорожских степей и образовали здесь так называемую Славяносербию с крепостью Бахмутом, получившей название от речки Бахмут, притока Северского Донца. Тогда от вольностей запорожских казаков отошел с одной стороны, в северо-восточном углу, участок земли, заключенный между речками Северским Донцом, Бахмутом и Луганью, и с течением времени — все пространство земли почти до самой вершины

²⁷ Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839.

левого притока Днепра Самары; а с другой, в северо-западном углу, от вольностей запорожских казаков отошел большой участок земли — начиная от устья речки Кагарлыка и идя далее прямою линией до верховья речки Турьи, а от верховья Турьи — по устью речки Каменки, левого притока реки Ингула; от устья речки Каменки — на устье речки Березовки, левого притока того же Ингула; от верховья Березовки — на вершину речки Омельника и отсюда вниз по Омельнику до самого устья ее, где она впадает в Днепр, — отступление от польских границ на 20 верст²⁸.

В то же время, в 1752 году, 20 апреля, у запорожских казаков отделен был еще участок земли от речки Омельника вниз к речке Самоткани для поселений тех же новосербов. «Хотя к Днепру на некоторое небольшое расстояние в число тех определенных мест (новосербских) речка Самоткань и не пришла, но уже к вечному поселению тех обывателей границей их владений, для живого рубежа, положена по самую речку Самоткань, речки же Бешка в новосербском и казачьем, а Верблюжка почти вся в слободском поселениях состоят». В силу этого указа все

²⁸ Карта де Боксета 1751 г.; грамота Разумовскому 1751 г., 9 сент.

запорожские зимовники, находившиеся на левому берегу реки Самоткани, велено было, ввиду прекращения ссор, воровства, грабительств и разбоев со стороны запорожских гайдамаков, перенести на другие удобные места, в запорожских же дачах состоящие²⁹.

К двум поселениям, Новосербии и Славяносербии, в то же время, в 1752 году, 20 ноября, по именному указу императрицы Елизаветы Петровны, прибавилось еще и третье, на границе вольностей запорожских казаков, поселение Слободского малороссийского полка. Определением сената, от 18 августа 1752 года, велено было водворить это поселение Слободского малороссийского полка в той же северо-западной окраине запорожских земель, на 20 верст ниже новосербской границы, «учредить их казаками так, как слободские полки состоят, и быть в ведомстве крепости Св. Елизаветы коменданта»³⁰. А указом 1756 года, от 16 июня, на имя коменданта крепости Св. Елизаветы Глебова, за Слободским малороссийским полком утверждались речки — Самоткань, Вешка и Верблюжка, запорожцам же

²⁹ Яворницкий. Сборник материалов, 134–136.

³⁰ Яворницкий. Сборник материалов, 192, 144.

велено было владеть по границу 1714 года, а все запорожские земли приказано было снять и положить на карту; но так как последнее не было исполнено, «то положена была только черта границы тогдашней Новосербии и поставлены, в немалом отдалении, подаваясь к Сечи, компанейских и малороссийских полков форпосты»³¹. В 1758 году по снимку геодезиста Семена Леонтьева северо-западная граница вольностей запорожских казаков, со стороны поселения Слободского малороссийского полка, ограничивалась чертой, начиная от устья речки Черного Ташлыка, притока речки Синюхи, потом — вдоль речки Сугакля Камышеватого, правого притока реки Ингула, далее — через реку Ингул, левый приток Ингула речку Аджамку, между верховьев речек Каменки и Вешки, и кончая прямой линией у левого берега реки Днепра³². В следующем году, 17 марта, сделано было запорожским казакам «крепкое подтверждение из селений Новосербии уходящих казаков отнюдь не принимать». Возникшие пограничные споры между

³¹ Григорий Миллер. Исторические сочинения. М., 1846.

³² Записки Одесского общества истории и древностей, приложения: карта де Боксета.

запорожцами и поселенцами Слободского малороссийского полка заставили русское правительство выслать в 1760 году, 19 января, геодезиста Ивана Исленьева, для размежевания запорожских земель, но запорожцы нашли в размежевании Исленьева некоторые неверности, подали о том письменное прошение и тем удержали высланного геодезиста от дальнейших его действий. В 1763 году для размежевания границ между владениями запорожских казаков и поселян Слободского малороссийского полка высланы были запорожские депутаты, но за спорами противники вновь не пришли ни к какому соглашению³³.

Спустя три года, в 1766 году, границы вольностей запорожских казаков определялись со всех сторон следующим образом, как свидетельствует господин Чернявский в своей «Истории князя Мышецкого»: «Земли запорожских казаков, состоящие большей частью из пустой и дикой степи и простирающиеся в окружности около 1700 верст, распространяются от Сечи по правой стороне реки Днепра вниз к Кизыкерменю до реки Каменки, где начинается турецкая граница к Очакову, около 100 верст. От устья этой реки

³³ Григорий Миллер. Исторические сочинения. М., 1816, 54.

Каменки земли идут по реке Бугу через речки Ингулец, Висунь, Ингул, Громоклюю, Еланец, Солоную, Мертвовод, Гарбузинку и Ташлык — до Буга, по учрежденной границе с турецкой областью, более 160 верст. С другой стороны Сечи земли шли вверх по Днепру до устья реки Самоткани, потом по речке Самоткани и через степь по границе Новороссийской губернии до речки Буга, расстоянием более 550 верст. С левой стороны реки Днепра земли запорожских казаков идут от устья реки Конки вверх по Днепру мимо порогов, даже до устья реки Самары, потом — вверх по Самаре до реки Конки, далее — по-над Конкой до впадения ее в Днепр ниже Каменного Затона, что против Никитинской заставы, где запорожские казаки содержат через Днепр перевоз на Крымской дороге; в этой окружности более 850 верст»³⁴.

В 1768 году, когда пограничные форпосты украинской линии «сведены были на самую черту», запорожцы вновь подняли вопрос о неправильном захвате их земель новосербами и требовали нового размежевания границ. А спустя два года, когда учрежден был пост из запорожских казаков в слободе Желтой для защиты поставщиков

³⁴ Чернявский в «Истории» князя Мышецкого, 80.

провианта во время Второй Турецкой войны, запорожцы захватили эту слободу себе, устроили в ней паланку, а около нее постепенно забрали некоторые другие селения с их людьми, и потом объявили, что и Елисаветградская провинция поселена на их собственной земле³⁵.

С 1772 по 1774 год на карте Елисаветградской провинции владения вольностей запорожских казаков определялись линией от устья речки Мигейского Ташлыка, впадающего в Буг с левой стороны, и кончая устьем речки Самоткани, впадающей в Днепр с правой стороны, границей, установленной в 1764 году; на южной границе от реки Буга ниже Мигейского Ташлыка через Гарбузинку, Мертвовод, Солоную, Еланец, Ингул, по-над правым берегом Доброй, через Висунь, Ингул и к устью речки Каменки, впадающей в Днепр выше Кизыкерменя³⁶.

На северо-востоке и юго-востоке в это же время, в 1772 году, запорожские казаки показывали границу своих вольностей следующим образом.

³⁵ Григорий Миллер. Исторические сочинения. М., 1847, 54.

³⁶ Ястребов. Объяснительная записка Елисаветградской провинции, 1885.

«От вершины Орели, с-под крепости Тройчатой, до вершины Береки, а оною прямо по-над линией против Петровской крепости в Донец упавшей на устье оной (то есть от вершины Береки до устья ее), в которую Береку впадают речки Бритаи и Камышеватая; от устья речки Береки прямо Донцем до Тавалского байрака Князем Косоговым рвом по новой черте, деланной до Теплянского Святогорским монастырем владеемого леса; оттоль же по той черте Голою долиною на гору до урочища Серковой могилы, где ныне форпост состоит; от той могилы в Сухой Торец на Серкову гатку; от гатки до урочища речки Бычка, зовемого ныне Клибыною; чрез оный же Бычок в Кривой Тор на Песчаный брод и через вершину речки Кринки на пограничные поблизости Миюса две могилки; от могилок чрез Миюс на вершину Морского Чулека; от Чулека на устье Темерника, впадающего в реку Дон, до граничных могил»³⁷.

В 1774 году, после мира России с Турцией в Кучук-Кайнарджи, 10 июля, владения запорожских казаков увеличились с одной стороны, по левому берегу Днепра, большим участком земли против бывшей турецкой крепости Кинбурна, а с другой

³⁷ Яворницкий. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890, 325

стороны, по правому берегу Днепра, тем углом земли, который находится между устьями рек Каменки и Буга и речки Ташлыка. Тогда границы запорожских владений установлены были в таких гранях: по левой стороне Днепра пограничная линия шла, начиная снизу вверх от мыса Кинбурна, отделяющего Черное море от Днепроовского лимана, по-над левым берегом реки Днепра — мимо Збурьевского кута до урочища Голого перевоза и нарочно насыпанного с углями при перевозе кургана, расстоянием 75 верст. От этого кургана, от юга к западу, на твердую землю прямой линией 3 версты и 194 сажени до стоявшего на дороге кургана; от этого второго кургана, от юга к западу, прямой линией, длины 7 верст и 290 сажен до третьего нарочно насыпанного с углями кургана; от этого третьего кургана, от юга к западу, прямой линией, длины 5 верст и 116 сажен на случившийся курган Мезарлы-Тепе; от кургана Мезарлы-Тепе, повернув от запада к северу, прямой линией через Коп-Кую, или Каменный Колодезь, до Черного моря, длиной 28 верст, до нарочно насыпанного у берега кургана; берегом же Черного моря от повторяемого колодца до Кинбурна 46 верст, чем и замыкалась вся окружность земли к Кинбурну.

В соответствии с этим, на правом берегу Днепра пограничная линия шла по реке Бугу от Гарда или от устья речки Ташлыка при Гарде, там,

где лежал камень для обозначения границы, до самого устья Буга при урочище Скелевском Роге, ниже Семенова Рога, и отсюда вверх по Днепру до того места, где в него впадает речка Каменка. Соединение вод Днепра и Буга делало живую границу между владениями турецко-татарскими и запорожскими. Расстояние от Гарда или от прежней границы при устье впадающей в Буг незначительной речки Ташлыка, по левому берегу Буга до Скелевского Рога — 179 верст, и исключая разные повороты, следуя по дороге, также не прямой линией, — 130 верст. «От пограничного камня при Гарде или речке Ташлыке граница шла внутрь земли через речку Гарбузинку на сделанные нарочно при ней два кургана, от юга к востоку, расстоянием 10 верст и 20 сажен; от тех курганов на урочище Сагайдак³⁸ при речке Мертвоводе через речку Гарбузинку, от юга к востоку, длиной 10 верст и 160 сажен, а перейдя Сагайдак — к речке Солоной на Каменную мечеть, от юга к востоку, длиной 10 верст и 80 сажен, до нарочно насыпанных курганов; от курганов через речки Солоную и Еланец, от юга к востоку, на Аргамаклы-Сарай («Дворец на Громоклее»),

³⁸ «Сагайдак» значит лук: «каменный берег фигурою лука вышел, потому от татар тем урочище зовется».

длиной 27 верст и 450 сажен, до двух курганов; и той же линией через речку Аргамаклы (Громоклею), над которой насыпаны два кургана; от Сарая расстояния 2 версты и 50 сажен. А всего по этой линии 30 верст, и от всех курганов по-над берегом вниз этой речки Аргамаклы, от юга к востоку, длина 4 версты и 320 сажен, на такие ж два кургана: от двух курганов по тому ж направлению, от юга к востоку, на два новых кургана, длиной 5 верст и 150 сажен; от этих двух курганов к реке Ингулу на такие ж два кургана, от юга к востоку, длиной 5 верст; от этих курганов через реку Ингул на два кургана в том же направлении, длиной 1 верста и 350 сажен; а от этих курганов степным подом к вершине речки Доброй, в том же направлении, длиной 35 верст и 400 сажен, где на случившемся тут большом кургане выкладены камнем два малые кургана, подобные граничным; и от того большого кургана, в том же направлении, через речку Вулсун (Висунь) на сделанные граничные два кургана, длиной 5 верст и 300 сажен; а от тех курганов до Белых Криниц, от юга к востоку, длиной 10 верст и 450 сажен; а от Криниц — 28 верст через речку Ингулец, в том же направлении, на курган, который случился перед устьем Каменки, не доходя одной версты³⁹; а на

³⁹ «От сих Криниц, объявляли запорожцы, граничный

самое устье Каменки до Днепра от тех Криниц, в том же направлении, расстоянием 49 верст, — чем и оканчивалась граница угла степи, по земле, делаю от Гарда длины 193 версты и 225 сажень; а весь округ угла степи, считая по берегам Днепра, обоих лиманов и Буга, составлял 524 версты и 475 сажень»⁴⁰.

Выше показанных пунктов, Мезарлы-Тепе и устья Каменки, граница вольностей запорожских казаков оставалась прежней. С восточной стороны она шла рекой Конкой и другими речками, составлявшими новую границу России с Турцией параллельно «новой» днепровской линии, учрежденной в 1770 году с ее семью крепостями; начиналась она крепостью Александровской, потом шла по-над речками Конкой и Бердой к Азовскому морю, и оканчивалась при устье Берды крепостью Петровской. С западной стороны, от Польши, владения запорожских казаков ограничивались

курган от юга к востоку длиною 40 верст и 350 саж., а от него уже к устью Каменки тож на курган, от юга к востоку, длиною 8 верст и 150 саж., но как при тех курганах не видно знаков граничных, какие есть в прочих местах, то и граница от Криниц назначена прямо на устье Каменки».

⁴⁰ Записки Одесского общества истории и древностей, VII, 166, 171–173.

речкой Синюхой, от устья которой течение Буга вниз составляло границу Российской империи с Турецкой⁴¹.

Накануне падения Сечи границы вольностей запорожских казаков определялись следующим образом. От речки Бахмута ниже «старой» украинской линии, учрежденной в 1733 году и тянувшейся от устья реки Орели к верховью Северского Донца до реки Буга, в длину 600 верст, от устья Берд до «старой» украинской линии, в ширину 350 верст; на востоке с землей Войска Донского; на юге и западе с землей турецкой — Очаковом и Крымом, а против Кубани — по Азовское море⁴².

Нет сомнения, однако, что запорожские казаки часто выходили за пределы своих вольностей, считая границы собственных владений гораздо шире указанных трактатами и постановлениями; так, на западе они полагали границей своих вольностей реку Случ — «оце знай, ляше, де твое, а де наше», на востоке — реки Чабур,

⁴¹ Там же, 173, прим. 30; XI, 225.

⁴² Калачев. Архив история, и практическ. сведений. СПб., 1861.

Ею и Кубань⁴³; в пределах нынешней Кубанской области они жили даже оседло, как видно из указа императрицы Елизаветы Петровны, от 11 июля 1745 года, в построенных ими «шишах, не малыми ватагами», и занимались рыбной ловлей⁴⁴.

Взятые в самых обширных пределах вольности запорожских казаков в применении к современной географии составляли всю Екатеринославскую губернию с ее девятью уездами: Екатеринославским, Верхнеднепровским, Новомосковским, Александровским, Павлоградским, Бахмутским, Славяносербским, Ростовским⁴⁵ и Мариупольским, и значительную часть Херсонской — по реку Буг с ее тремя уездами: Херсонским, Александрийским и Елисаветградским, исключая тех, которые находятся по правую сторону Буга: Одесского, Ананьевского и Тираспольского; кроме того, к запорожским вольностям принадлежала некоторая

⁴³ Яворницкий. Сборник материалов, 152.

⁴⁴ Фецицын. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1890.

⁴⁵ Ростовский уезд в 1889 г. отошел к земле войска Донского.

часть Днепровского уезда теперешней Таврической губернии, вниз от города Алешек, и небольшой участок земли, 60 верст длины при 66 верстах ширины, Харьковской губернии, Изюмского уезда, с центральным селением Барвинковой Стенкой.

Глава 2. Гидрография, топография и климат Запорожского края

Запорожские казаки занимали огромное пространство степей, прилегающих к обоим берегам Днепра в его нижнем течении, от восточной границы Польского королевства и южной окраины владений Малорусского и Слободскаго казачества до реки Буга с одной стороны и вдоль правого берега речки Конки и до речки Кальмиуса, впадающей в Азовское море, — с другой. На этом пространстве степей имелось несколько больших и малых рек с их многочисленными притоками и рукавами, или, как говорилось у запорожцев, со степными речками и низовыми ветками. Одни из этих рек протекали в западной половине запорожских вольностей, другие — в восточной; реки западной части принадлежали к бассейну Черного моря, реки восточной — к бассейну Азовского моря. Из рек Черноморского бассейна известнейшими были Днепр и Буг.

Днепр — это священная и заветная для

запорожцев река; в казацких думах он называется «Днипром Славутою»⁴⁶, в казацких песнях — «Днипром-братом», на лоцманском языке — «Казацким шляхом». В пределах запорожских казаков Днепр начинался с одной стороны выше речки Сухого Омельника, с другой — от речки Орели, и протекал пространство земли в 507 верст, имея здесь и наибольшую ширину, и наибольшую глубину, и наибольшую быстрину; в пределах же запорожских казаков он характеризовался и всеми особенностями своего течения — порогами, заборами, островами, плавнями и холуями. Всех порогов в нем при запорожских казаках насчитывалось девять — Кодацкий, Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытецкий (или Дид-порог), Волниговский (или Внук-порог), Будилковский, Лишний и Вильный.

Самый большой и самый страшный из всех порогов — порог Неясытецкий, или Ненасытецкий, названный, по одним источникам, от птицы неясыти, в старину водившейся здесь, по другим — от слов «не насыщаться», потому что он никогда не насыщается человеческими жертвами несчастных пловцов. Это — родоначальник и всем порогам

⁴⁶ Антонович и Драгоманов. Исторические песни малорусского народа. Киев, 1874, I, 217.

порог, — Дид-порог. Страшным делают его и самое движение в нем воды, и те громадные вековечные камни, которые частично торчат среди самого порога, частично — отделяясь от берегов реки, выступают далеко в середину ее. Река Днепр, свободно и плавно несущая свои воды выше Ненасытеца, дойдя потом до самого порога и встретив здесь несокрушимые препятствия в виде лав, скал, гряд и мысов, с непостижимой силой ударяется в разные стороны, бросается с одного камня на другой; вследствие этого страшно волнуется, высоко вздымает огромные валы серебристого «бука», разбивается миллионами миллионов водяных брызг, разлетается в разные стороны целыми потоками водяной пыли, выкручивает между скал бездонные пучины и всем этим производит такой страшный шум и стон, который слышится уже на далеком расстоянии от порога и который в самой реке поглощает собой всякий другой звук — и крик птиц, и голоса людей. Издали кажется, как будто бы в реке семьсот тысяч огромных водяных мельниц беспрерывно стучат и переливают воду через свои колеса. «Вин так меле, шо аж гремыть, аж земля трусытця...!»! Картина поистине страшная и вместе с тем — поистине могучая и величественная, не поддающаяся никакому описанию и никакой кисти; для изображения ее, говоря арабской пословицей, языку

недостанет слов, а воображению красок. Особенно величественным и особенно чарующим кажется Ненасытец с высоты птичьего полета с правого берега реки в большой разлив воды — когда вся поверхность его засеребрится белой жемчужной пеной, а громадные, из-под воды торчащие камни покроются множеством гнезд местных птиц крячек, беспрестанно снующих над порогом, ярко блистающих своими перьями на южном солнышке, поминутно трепещущих маленькими крылышками и жалобно оглашающих воздух своим свистом и чириканьем; когда он порою и ревет, и стонет, и высоко вздымает свои воды, а потом сразу так обрывается и так стихает, что становятся слышными даже переливы воды его, идущие с камня на камень, скользящие с лавы на лаву и дающие возможность местным жителям тем самым предугадывать перемену погоды. Без сомнения здесь, у этого заветного порога, в виду его огромных скал, в живописном беспорядке разбросанных и по самому руслу, и по берегам реки, в виду высоких могил, поднимающихся в степи с обеих сторон реки и невольно наводящих на многие о прошлых судьбах человечества грустные думы; здесь, в виду этого грозного, дикого и заветного порога, часто сиживали и часто любовались с высокого мыса на мчавшиеся по скалам скал кипящие волны реки истинные

ценители красот природы, мечтатели в душе, поэты в речах, художники в песнях — запорожские казаки. Любо им было смотреть на бешеную быстроту воды в Ненасытце; дощатая барка пробегала все пространство его, две с лишком версты, в четыре минуты, а лесной плот — с небольшим в одну минуту...

От порогов отличаются заборы в Днепре; заборы — те же гряды диких гранитных скал, разбросанных по руслу Днепра, как и гряды порогов, но только не пересекающие реку сплошь от одного берега до другого, а занимающие часть ее, по преимуществу с правого берега реки, и таким образом оставляющие с другого берега свободный для судов проход. Всех забор считается в Днепре в пределах низовых казаков 91, но из них больших, искони известных забор было шесть — Волошинова, Стрельчья, Тягинская, Воронова, Кривая и Таволжанская. От забор отличаются камни, одиноко торчащие то там, то сям среди реки или у берегов ее; из множества камней, разбросанных по Днепру, самых известных было семь — Богатыри, Монастырько, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджола и Разбойники. Между порогами, далеко выше и далеко ниже их, на всем Днепре в границах земли запорожских казаков, считались 265 больших и малых островов, из коих самых известных было двадцать четыре — Великий,

Романов, Монастырский, Становой, Козлов, Ткачев, Дубовый, Таволжанский, Перун, Кухарев, Лантуховский, Гавин, Хортица, Томаковка, Стукалов, Скарбный, Скалозуб, Коженин, Каир-Козмак, Тавань, Буртуй, Тягинка, Дедов и Сомов⁴⁷.

Почти все береговое пространство Днепра, кроме порожистого, представляло собой роскошные и едва проходимые плавни, доставлявшие запорожским казакам и лес, и сено, и множество дичи, и множество зверей. Плавни эти представляли собой низменность, покрытую травяной и древесной растительностью, изрезанную в разных направлениях речками, ветками, ериками, заливами, лиманами, заточинами, покрытую множеством больших и малых озер и поросшую густым, высоким и непроходимым камышом. Из всех плавней в особенности знаменита была плавня Великий Луг, начинавшаяся у левого берега Днепра, против острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяжении около 100 верст, на том же берегу вниз по Днепру, против урочища Палиивщины, выше Рога Микитина. Для запорожца, не знавшего

⁴⁷ О порогах, заборах, камнях и островах см. наше сочинение «Вольности запорожских казаков». СПб., 1860, 33–50, 51–114.

в среде суровых товарищей своих «ни неньки ридненькой, ни сестры жалибненькой, ни дружины вирненькой», всю родню составляли Сечь да Великий Луг: «Сичь — мате, а Велький Луг — батько, оттам треба и умирати»; запорожец в Великом Лугу, что в необозримом море: тут он недоступен «ни татарину-бусурманину, ни ляху поганому». Самое русло Днепра, на некоторое пространство его, загромождено было так называемыми холуями или карчами, то есть подводными пнями деревьев, росших по берегам реки, ежегодно подмывавшихся вешними водами и ежегодно во множестве обрушивавшихся на дно Днепра.

Река Буг также была «славною» рекою у запорожских казаков: она принадлежала им своим нижним течением, от балки Большого Сухого Ташлыка до устья лимана, около 180 верст, по прямому направлению, длины; на этом пространстве его имелось — 21 порог с самым большим Запорожским порогом, несколько забор, несколько отдельных скал с огромнейшими — Совой, Брамой, Пугачем и Протычанской, несколько островов, каковы: Кременцов, Андреев и Бардовый, на коем была церковь, разрушенная, по преданию, казаком-ренегатом Саввою Чалым; несколько пещер, особенно известна Кузня-пещера, против селения Мигни, на левом берегу реки;

несколько кос, например: Жабурная, Осницкая, Павлова, Балабанова, Кривая, Ожаровская, Русская и Волошская, и несколько береговых мысов, каковы Семенов и Скелеватый⁴⁸.

Обе этих реки, Днепр и Буг, питались своими речками и ветками, приливавшими к ним в разных местах к обоим берегам. Из множества притоков Днепра с правой стороны наиболее известными были: Сухой Омельник, Мокрый Омельник, Домоткань, Самоткань, Сура, Грушевка, Томаковка, Базавлук и Ингулец с его знаменитым притоком Желтыми Водами ⁴⁹ ; из множества притоков Днепра с левой стороны наиболее известными были: Орель с боковыми Богатой и Берестовкой, Самар с боковой Волчьей, состоящей из Ганчула и Янчула, Вороная, Осокоровка, Московка Сухая, Московка Мокрая, Конка, Белозерка, Рогачик, Лопатиха, пять речек Каирок, Сомова и Янушева. Из множества веток Днепра с правой стороны наиболее известными были: Ведмирка, Лесная, Тарас, Бугай, Днеприще, Орлова, Подпильная,

⁴⁸ Яворницкий. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890, 130–136.

⁴⁹ Что Желтые Воды приток Ингульца, в том убеждает Мышецкий.

Павлюк, Скарбная, Сысина, Колотовская, Коловорот, Царева, Дармамовка, Омеловая, Космаха, Казацкая, Бургунка, Тягинка, Ингульская, Кошевая, Ольховка, Корабельная, Белогрудова и Солонецкая. Из множества веток Днепра с левой стороны наиболее известными были: Подпильная, Паньковка, Домаха, Кушугум, Речиице, Музурман, Плетениха, Темрюк, Конка, Святая, Метелиха, Лободиха, Бристана, Бабина, Татарка, Царевская, Евпатиха, Гребениха, Волошка, Шавулиха, Чаплинка, Костырская, Дурицкая, Таванская, Гниловод, Хруловая, Голубова, Алексеева, Кардашинская, Маслова, Борщева, Солонецкая и Збурьевская⁵⁰.

Из нескольких притоков реки Буга с левой стороны наиболее известными были: Синюха, Мигийский Ташлык, Корабельная, Ташлык, Еланец, Мертвовод и Ингул с главнейшими притоками его: Аджамкой, Сагайдаком, Грузской, Сугаклеей, Березнеговатой и Громоклеей.

Из рек же Азовского бассейна запорожским казакам принадлежали: Торец, Бахмут, Лугань, Кальмиус, Кальчик и три речки Берды, параллельно одна другой текущие с севера на юг и впадающие

⁵⁰ Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 119–160, 161–172.

непосредственно в Азовское море.

Кроме рек, речек и веток в Запорожском крае было немало озер, гирл, лиманов и прогноев. Озер, гирл и лиманов вдоль обоих берегов Днепра считалось 465, вдоль левого берега реки Орели — 300, по обоим берегам реки Самары — 24; из первых особенно известны были: Червонный лиман, против Червонной, или Лысой, горы, выше Рога Микитина; Великие Воды, против устья речки Базавлука, 6 1/2 версты длины, 50 сажен ширины и 2 аршина средней глубины; Плетеницкий лиман, выше первого впадения речки и ветки Конки в Днепр против Плетеницкого Рога, 4 версты длины; Белозерский лиман у левого берега Днепра, ниже Плетеницкого лимана, 5 верст длины; Хруловой, или Чернечий, лиман, против ветки Фроловской, ниже Корсунского монастыря, до 4 верст длины; Кардашинский лиман, до 5 верст длины, против острова Потемкина; Солонецкие озера на острове Погорелом; гирла Збурьевское и Белорудовское, лиманы Днепровский и Бугский и множество безымянных соляных озер около Днепровского лимана; кроме того, за правым берегом речки Кальчика известно было Белосарайское озеро, а на Бердянской косе — несколько небольших соляных озер⁵¹.

⁵¹ Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 173–182.

Из рассмотрения гидрографии Запорожского края видно, что край этот был далеко не маловодным: центр его прорезывается большой и многоводной рекою Днепром со множеством ее озер, а восточные и западные окраины изрезаны были в разных направлениях множеством рек, речек, прогноев и ериков, которые, подобно жилам в живом организме, несли свои пресные, горькие и соленые воды по безмерным степным равнинам Запорожского края; обилие вод в своем крае казаки характерно выражали словами песни:

З устя Днипра тай до
вершины —
Симсот ричок ще і
чотыри.

«Речек в сей земле хотя по обширности ее и не весьма, однако довольно»⁵², — сообщают нам «Записки Одесского общества истории и древностей». Особенность этих речек состоит в том, что все они обыкновенно текут долинами от 1 до 8 верст ширины и редко бывают окаймлены

⁵² Записки Одесского общества истории и древностей, VII, 183.

лесом, большей же частью камышом и травой, что объясняется свойством самой почвы, по которой несут свои воды степные речки; при речках были и болота, но они часто высыхали в знойное и сухое лето.

При всем этом климат в земле запорожских казаков нельзя назвать влажным: напротив того, сухим, маловлажным и нередко даже вредным для местной растительности края. Господин Штукенберг в своих «Статистических трудах» определяет его так: «Климат этой страны зависит от пояса, в котором находятся степи, от соседства холмистых стран на севере, обширных степей на востоке, морей на юге и возвышенностей на западе, в частности, от направления балок, байраков и оврагов на самых степях запорожских»⁵³. Сухость климата Запорожского края происходит от шести причин: во-первых, от возвышенного положения, до 150 футов, степи над уровнем моря, по которому нижние слои морского воздуха, вообще умеряющие летний зной и зимнюю стужу, не имели такого влияния на обширный край запорожских казаков; во-вторых, от открытого положения всего края, ни с какой стороны не защищенного высокими горами;

⁵³ Штукенберг. Статистические труды. СПб., 1852, XXXV, 37.

в-третьих, от отсутствия больших лесов, задерживающих у себя влагу и умеряющих до известной степени климат всякой местности; в-четвертых, от соседства сухих и вредных ветров, восточного и северо-восточного, дующих здесь по целым месяцам, уносящих с собою всякую влагу, сушащих траву, лесную растительность и иногда вырывающих хлеб вместе с корнями; в-пятых, от мелководья и незначительной величины речек, текущих здесь крайне медленно, большей частью плесами, в летнее время совершенно пересыхающих, покрывающихся болотными растениями, очень часто гниющих и порождающих всякого рода заразы, оттого нередко имеющих вредное влияние на местные произрастания и совсем не умеряющих сухости воздуха, как это в особенности бывало в восточной окраине запорожских вольностей, паланке Кальмиусского ведомства⁵⁴; наконец, в-шестых, от присутствия в Запорожском крае множества балок и оврагов, принимающих в себя главную массу весенней и дождевой воды и не дающих возможности ей застаиваться на открытых и ровных местах и постепенно просачиваться под почву.

⁵⁴ Александрович. Краткий обзор Мариупольского у., Мариуполь, 1887, 10.

Все пространство земли, занимаемое запорожскими казаками, носило характер по преимуществу степной. Запорожская степь имела своеобразную особенность. Как пишет Штукенберг: «открытая, безмолвная, усеянная природными холмами, искусственными курганами, прорезанная оврагами и долинами, она иногда поражала глаз прекрасной игрой зелени, иногда казалась иссушенной палящими лучами солнца»⁵⁵. По характеру самой поверхности, по климату и растительности вся запорожская степь была далеко не одинакова: северная окраина ее более холмиста и более возвышенна, южная окраина — более ровная и более склонна к берегам Черного и Азовского морей; северная окраина более влажна и более производительна; южная — чем ближе к границе, тем безводнее и тем беднее растительностью; в северной окраине балки многочисленнее, глубже и богаче растительностью, в южной — балки малочисленные, покатыее и беднее растительностью; наконец, северная окраина запорожских вольностей не так подвержена знойным лучам солнца: южная особенно подвержена страшному действию палящего солнца, нередко истребляющего здесь, например, при

⁵⁵ Штукенберг. Указ, соч., 40.

продолжительном бездождии, всякую растительность, страшно накаляющего степной воздух и производящего глубокие в земле расщелины. Оттого южная окраина запорожских степей, в особенности теперешняя Херсонская равнина, по преимуществу носила у польских и русских писателей прошлых веков название «Дикого поля», «Пустополя», «Чистополя». На этом «Диком поле» спасительными оазисами были лишь немногие реки да некоторые балки, по берегам и склонам которых удерживалась иногда и в знойное, сухое и безводное лето лесная и травяная растительность.

Характерное явление запорожских степей составляют все те же балки, а также овраги и байраки. Балками называются здесь более или менее глубокие долины с отлогими берегами, покрытые травой, иногда лесом и служащие естественными желобами для стока вод из степных открытых мест в реки, речки, озера, лиманы, прогной и ерики. На языке геологическом балками называются мертвые, недействующие, покрытые лесной или травяной растительностью овраги; просто оврагами же называются действующие балки с крутыми, обнаженными берегами, обрушивающимися от весенних и дождевых разливов и потому пропускающими воды в слой своей подпочвы; байраками называются те же

овраги, но покрытые непременно лесом, более или менее густым и высоким.

Балки всегда представляли, как и теперь представляют, местный тип Запорожской страны; при довольно значительной длине, иногда в несколько десятков верст, они нередко доходят до 150 футов глубины и всегда имеют направление к морю, Черному или Азовскому⁵⁶. В истории запорожских казаков балки, овраги и байраки имели значение как первые пункты постепенной колонизации обширной, дикой и пустынной степной равнины: «по сим угодьям запорожское войско владело и промыслы свои имело», то есть в балках или около балок заходились сперва бурдюги, потом зимовники и наконец — села семейных и несемейных запорожцев. Главное место в этом случае, разумеется, занимали балки по обоим берегам Днепра, затем балки по берегам его притоков, больших и малых, и наконец — балки по берегам степных речек. Всех балок, оврагов и байраков в степях запорожских казаков было поистине необозримое число, точно звезд в бесконечном пространстве небес. Из множества их можно назвать лишь главнейшие балки обоих

⁵⁶ Список населенных мест; Екатеринославская губ. СПб., 1863, VI, VII.

берегов Днепра, начиная от верхней границы вольностей запорожских казаков и кончая нижними. По данным XVII и XVIII веков, таких балок у правого берега Днепра было 95 и у левого — 36⁵⁷. Из первых наиболее известными были: Звонецкая, Тягинская, Будиловская, Лишняя, Старокичкасская, Хортицкая, Лютая, Золотая, Дурная, Меловая, Пропасная, Верхняя Солонецкая, Широкая и Нижняя Солонецкая. Из вторых наиболее известными были: Лоханка, Тягинка, Дубовая, Таволжанская, Лишняя, Кичкасская, Бабина, Гипетуха, Широкая и Валивала. Из степных балок наибольшею известностью пользовались: Дубовая, или Гайдамацкая, падающая в левый приток Ингульца, Саксагань — теперь против усадьбы хутора Дубовой Балки умершего владельца Александра Николаевича Поля, Екатеринославской губернии, Верхнеднепровского уезда — и балка Княжие Байраки, того же уезда, начинающаяся от левого притока Ингульца, Желтых Вод, и падающая в правый приток Днепра, Мокрый Омельник. Общее направление последней балки — с юго-запада на северо-восток, все протяжение ее — 15 верст, наибольшая глубина при устье ее — почти 60 сажень прямого отвеса; по преданию, эта балка

⁵⁷ О балках см. Вольности запорожских казаков, 185, 217.

получила свое название от какого-то князя Вишневецкого, иссушившего все водные источники в собственной земле, чтобы уморить своих крестьян жаждой, и томившего их даже долго после своей смерти⁵⁸; в истории запорожских казаков балка Княжие Байраки приобрела большую известность как место первой битвы гетмана Богдана Хмельницкого на Желтых Водах с поляками в 1648 году, 8 мая.

Недостаток леса также составлял характерное явление Запорожского края; леса здесь росли только по местам низменным, наиболее влажным или же наиболее суглинистым и супесчаным, то есть по берегам рек, озер, лиманов, по речным островам, склонам балок, оврагов, пригорков; все другие места представляли собой безлесную равнину, покрытую в летнее время травой, в зимнее — замурованную снегами. Из данных прошлых веков видно⁵⁹, что леса в пределах вольностей запорожских казаков шли по правому и по левому берегам Днепра, иногда подряд, иногда — с большими промежутками, отсюда далее — к

⁵⁸ Яворницкий. Вольности запорожских казаков. СПб., 1890, 213.

⁵⁹ Там же, 241.

юго-западу до Буга и к юго-востоку до Азовского моря; видно также, что из всех окраин вольностей запорожских казаков северо-восточная окраина, паланки Протовчанская, Орельская и Самарская, теперешний Новомосковский и частью Павлоградский уезды по справедливости считались самыми лесистыми паланками всего Запорожья. Вдоль правого берега Днепра леса начинались около речек Мокрого и Сухого Омельников и шли, то сплошь, то прерываясь, до ветки Дремайловки и ниже ее; все это громадное пространство земли, до 400 верст в одну линию, составляло около 80 000, приблизительного счета, десятин леса. Кроме того, на запад от правого берега Днепра леса встречались по речкам Суре, Базавлуку, притокам Ингульца: Зеленой, Каменочке, Терновке и Саксагани; по Ингульцу, Бешке, Аджамке, Березовке, между Березовкой и долиной Темной, где рос «Соколиный» лес, до 400 десятин земли; между верховьем Ингула и Тарговицей, по Ингулу, Сугаклее, Сугаклейчику, Мертвоводу, Чечаклее, Громоклее, Кагарлыку, Терновой, по Бугу у Песчаного брода, Виноградной Криницы, по Семенову Рогу; по балкам Глубокой, впадающей в Желтые Воды, Княжим Байракам, где рос дремучий и непроходимый лес; по Дубовой, или

Гайдамацкой, балке, падающей в Саксагань, где и теперь стоят гигантские столетние дубы ⁶⁰. Наконец, к западной окраине вольностей запорожских казаков примыкали еще леса Черный и Чута (что с тюркского переводится как «земляные яблоки», иногда — вообще растения), о которых в 1748 году говорилось в «Истории о казаках запорожских» господина Мышецкого: «владело ли им войско запорожское прежде сего или нет, о том запорожские казаки не знают; а была в прежние годы от кошевого атамана Серка в оном лесу пасека, тому назад лет около 80»⁶¹; тут же были леса Нерубай и Круглик, «о котором также не было известно, владело ли им войско запорожское или нет»⁶². Черный лес и Чута некогда составляли один сплошной лес и служили продолжением знаменитого в истории гайдамаков Мотронинского леса, Киевской губернии, Чигиринского уезда; они пересекались лишь двумя речками — Ирклеєм, отделявшим киевское воеводство от «дикого

⁶⁰ Подробности о лесах в сочинении «Вольности казаков», 243–268.

⁶¹ Мышецкий. История о казаках запорожских, 74.

⁶² Там же, 74.

ПОЛЯ», и Ингульцем, идущим от киевской границы к правому берегу Днепра. Черный лес в настоящее время находится в 35 верстах от Елисаветграда, близ селения Водяного, Чута — близ Красноселья, Нерубай — близ Федваря⁶³, Круглик — около Цыбулева; взятые все вместе, эти четыре леса в настоящее время составляют 18 677 десятин густолиственного леса, состоящего главным образом из дуба, потом клена, береста, осины, орешника и др.⁶⁴; в нем водились волки, лисицы, зайцы, дикие кабаны, дикие козы, даже медведи и множество птиц разных видов и родов. В истории запорожских казаков леса Черный, Чута, Нерубай и Круглик играли ту важную роль, что в них часто скрывались запорожцы от преследования татар, турок и поляков; тут же находили себе пристанище православные монахи от притеснения католиков и страшные гайдамаки, поднимавшие оружие на защиту своих человеческих прав против ненавистных им поляков; гайдамаки особенно любили леса Черный и Чуту; у казаков XVIII века сложился насчет Черного леса даже особый термин

⁶³ Список населенных мест; Херсонская губ. СПб., 1868, II, XXXVII.

⁶⁴ Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 249.

— «сутик до Чорного лису» значило — сделался гайдамаком. Черный лес очень часто служил местом, где собирались татары, казаки и поляки или как союзники, выступавшие против московских войск, или как противники, выходившие на поле битвы между собой. Оттого неудивительно, почему народные предания говорят о существовании в этих лесах подземных погребов, о сокрытых в них скопищах кладов, о страшных голосах, слышимых по ночам между деревьями леса, о седых, усатых запорожцах, одетых в красное, как огонь, платье и, с трубками в зубах, сидящих над грудами золота, в глубокой думе в подземных пещерах леса и т. п.

Приводя к общему данные о лесах западной окраины вольностей запорожских казаков и исключая из этой окраины леса Черный и Чуту, видимо не принадлежавшие де-юре запорожским казакам, мы находим, что эта окраина не отличалась лесной растительностью и была по преимуществу степной. «Записки Одесского общества истории и древностей» повествуют: «От севера к устью реки Буга лесов довольных нет, только по балкам местами растут яблони, груши, шиповник, хмель, виноград, крысберсень, вишня, ивняк, осокорь, боярышник, гордина, а более всего — терновник, все редкими кустарниками»⁶⁵.

⁶⁵ Записки Одесского общества истории и древностей, VII,

Соответственно правому шли леса и по левому берегу Днепра; здесь начало их у устья реки Орели, а конец — у Днепровского лимана; все это пространство земли заключало в себе около 6200 десятин леса, в одних местах шедшего сплошь, в других — с большими промежутками; сверх этого по левому берегу Днепра рос знаменитый Великий Луг, тянувшийся непрерывно на протяжении около 100 верст длины при 25 верстах наибольшей ширины, а ниже — его знаменитая Геродотова Гилея, тянувшаяся с большими перерывами, около 180 верст, до города Алешек. Как в Великом Луге, так и в Гилее росли громадные деревья с преобладанием дуба над другими породами деревьев; о величине деревьев здесь можно судить по тем окаменелым дубам, которые находятся теперь в Великом Луге. Дубы эти свидетельствуют, что настоящие днепровские леса — только ничтожная пародия на те исполинские леса, которые некогда своей могучей головой осеняли широкий Днепр.

По обоим берегам Днепра такие же леса росли по островам реки; всех островов на реке Днепре в пределах вольностей запорожских казаков считалось 265, и из них большинство покрыто было

лесом — чаще всего лозой, шелюгом, реже осокорями и еще реже — дубами.

К северо-востоку и юго-востоку от левого берега Днепра, в паланках Протовчанской, Орельской, Кальмиусской, Самарской, теперешних уездах Новомосковском, Павлоградском, Бахмутском и Александровском леса росли так же более по берегам рек, по склонам балок и байраков; в этой области самыми лесистыми местами были берега рек Орели и Самары. Орельские леса служили границей между вольностями запорожских и владениями украинских казаков. В пределах запорожских казаков они шли узкой полосой по левому берегу Орели (леса по правому берегу принадлежали гетманским казакам), начиная от впадения в нее речки Богатой и кончая устьем ее, что составляло на протяжении 142 верст около 5690 десятин леса; преобладающей породой в орельских лесах был дуб, достигавший здесь свыше шести аршин в окружности, до одного аршина с десятью вершками в диаметре; кроме дуба росли берест, ясень, клен, верба, дикие яблони и дикие груши. К востоку от орельских лесов, на расстоянии прямой линией около пятидесяти верст, по обоим берегам реки Самары, росли самарские леса; это — главная заповедная роща запорожских низовых казаков. Самарские леса тянулись на протяжении 182 верст при 20 верстах наибольшей ширины и по

справедливости считались «знатными», «несходимыми» и «невидимыми» лесами, в своем роде «муромскими дубрями». «Река Самара, — писал в 1637 году французский инженер Боплан в своем «Описании Украины», — замечательна чрезвычайным богатством в лесе, так что едва ли какое-либо место может сравниться в этом с окрестностями Самары»⁶⁶. В 1675 году, во время предполагавшегося похода на Крым московского ополчения, под предводительством князя Григория Ромодановского, и казацкого войска, под начальством гетмана Ивана Самойловича, решено было идти, как сказано в «Актах Южной и Западной России», «ниже посольской дороги на Самару для того, чтобы войску в водах и дровах утруднения не было»⁶⁷. В 1682 году московские послы Никита Зотов и Василий Тяпкин сообщали, что на всех вершинах рек Орели и Самары и в степях близ них «суть великие дубравы и леса, и терники, и тальники, и камыши»⁶⁸. В 1766 году

⁶⁶ Боплан. Описание Украины. СПб., 1832, 18,19.

⁶⁷ Акты Южной и Западной России. Т. XII, 145, 155.

⁶⁸ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. II, отд. II, 573.

очевидец секретарь Василий Чернявский писал, что из самарских лесов запорожские казаки не только строили все свои дома и зимовники, но в 1756 году, после бывшего в Сечи пожара, обратившего большую часть ее в пепел, все казацкие курени, купеческие и мастерские дома сизнова построили и «всегда на согревание и на прочие свои потребности дрова употребляли»⁶⁹. Самарские леса состояли из деревьев самых разнообразных пород — ясеня, клена, липы, береста, груши, яблони, сосны, терновника, орешника, с преобладанием, однако, как и на Орели, дуба. Между деревьями леса, особенно вблизи речек, были обширные луга, сенокосы, озера, болота, покрытые высокими камышами и непроходимой травой; по лугам паслись дикие козы, кабаны, туры, в чем убеждают нас и в настоящее время находимые здесь туры рога. То, что сказано было о самарских лесах 250 лет тому назад Бопланом, — почти то же можно сказать о них и в настоящее время. Несмотря на варварское обращение местных владельцев с самарскими лесами, они все же поражают человека даже и в настоящее время и особенной высотой, и особенной толщиной своих деревьев: в них и теперь растут сосны, имеющие в обхвате 6, дубы — 9, а

⁶⁹ История о казаках запорожских князя Мышецкого, 85.

вербы — 10 аршин. Что же тут было в далеком прошлом? Об этом можно судить по тем окаменелым гигантским дубам, которые находятся в разных местах на дне русла реки Самары. Таких дубов можно видеть целую сеть, при понижении воды в реке, близ села Вольного. В настоящее время самарские леса тянутся на протяжении около 100 верст по обеим сторонам реки Самары, с некоторыми, однако, перерывами, начиная от того места, где Самара принимает в себя речку Волчью, на границе Новомосковского и Павлоградского уездов, и кончая выше местечка Игрени при устье ее.

К востоку от Самары шли небольшие леса по речкам Нижней Терсе, Соленой, Волчьей, Ганчулу, Янчулу, Мокрым Ядам, Бахмуту, Кальмиусу, Нальчику, по склонам Азовского моря и по некоторым степным оврагам и пустошам; из всех этих лесов самые большие были Дибривские на речке Волчьей, где считалось всего лесу до 425 десятин, с преобладанием дуба над другой лесной растительностью; потом Бахмутские, имевшие до 100 000 десятин протяжения, но едва ли, однако, принадлежавшие запорожским казакам, и, наконец, так называемый Леонтьевский буерак, у южной границы теперешнего Славяносербского уезда, некогда составлявший с соседними лесами земли войска Донского одну сплошную лесную дачу.

Остальные леса все вместе составляли около 400 считанных десятин и большей частью были мелкой породы, «чагары и тальники».

Из общего обзора лесов в Запорожском крае следует прямой вывод — тот, что земли, доставшиеся запорожским казакам, носили характер но преимуществу степной: на пространстве степей длины в 425 верст и ширины в 275 верст или на 11 000 000 приблизительного счета десятин земли каких-нибудь 800 000 приблизительного счета десятин леса слишком недостаточно для того, чтобы давать целой стране характер лесного края⁷⁰. Впрочем, нельзя умолчать и о том, что во время запорожцев лесов было больше, нежели теперь, и в начале исторического существования казаков больше, чем в конце; причинами уменьшения количества лесного пространства были здесь чисто случайные явления: пожары и истребления татарами, поляками, русскими во время больших походов, местными обывателями во время построения городов, при

⁷⁰ Количество десятин земли рассчитано по карте де Боксета 1751 г., а количество десятин леса взято по книге Д. И. Яворницкого «Вольности запорожских казаков»; вычисление производил профессор математики С. И. Шохор-Троцкий.

существовании Запорожья — новосербами, славяносербами и слободско-украинским войском, а после падения Запорожья — местными обывателями Новороссии. Причины истребления леса отчасти указаны были еще в прошлом столетии тем же Чернявским: «Оттого, что бор несколько крат горел, а наипаче от татарского в оном зимования и без разбору порубления, все знатные леса гораздо редки стали. Во всех тех местах — Самаре, Конке и Кальмиусе — леса крайне разорены не только огреванием от строгости зимы, кормлением скота, порубленными верхушками и ветвями дерев, употреблением на постройку для скота загородов и вывозом в свои аулы немалого числа лесу, не обходя и садовые деревья; но и насильным забранием при нескольких зимовниках заготовленных на строение колод, брусьев и досок, которые они в свои степные аулы, под прикрытием татар, привозили. Сии дикие и голодные народы около зимовников и на лугах выбивают травы и истравляют сено, разоряют молодой лес, через всю зиму крадут и грабят все, что только могут... заготовленный к строению лес, не щадя и садовых деревьев. Один из мурз, прошедшей весной (1765 года), забрав найденный при некоторых зимовниках заготовленный на строение лес, на сорока возах, с пятьюдесятью вооруженными татарами сам до своих аулов

проводил, отбивая казаков, в провозе препятствовать хотящих». Немало истребили леса новосербы, славяносербы и казаки слободско-украинской линии, преимущественно с 1752 по 1769 год⁷¹, а также первые поселенцы Новороссии, после падения Сечи, при постройке разных городов — Елисаветграда, Бахмута, Екатеринослава, Херсона, Николаева, Одессы, Севастополя, Алешек, Никополя и др. Сами помещики, получившие после запорожцев земли в Новороссии, частью даром, частью за ничтожную плату казне, также много извели лесов или вследствие неправильного ведения хозяйства, или же — вследствие дробления больших лесных участков на малые, достававшиеся нескольким лицам сразу и вновь разделявшиеся ими на другие мелкие участки, и за ничтожностью их истреблявшиеся до основания⁷².

Относительно лесной флоры в стране вольностей запорожских казаков нужно сказать, что здесь росли почти все те породы деревьев, которые

⁷¹ Журнал Министерства внутренних дел, 1851, 35, с. 29, сец. 204.

⁷² Журнал государственных имуществ, 1855, февраль, 167, 169, 170.

свойственны Северной Америке, что происходит, может быть, от сходства климата той и другой страны: суровая зима, палящее лето, ветреная и непостоянная погода в запорожских землях обуславливали и произрастание известных видов древесной растительности здесь, из коих господствующими были: липа, клен, вяз, дуб, берест (малый вяз), граб, ясень, осокорь, верба, шелковица, яблоня, груша, вишня, дуля, калина, ива, ольха, береза, сосна, орешник, черноклен, серебристый тополь, боярышник, кизил, коженное дерево, желтинник, крушина, жостер, таволга (*sipirasa crenata*), бузина, лоза, явор (чинар, ложноклен, немецкий клен), барбарис, гордовое дерево и другие⁷³.

Находясь у Азовского и Черного морей, занимая положение с одной стороны между Турцией и Крымом, с другой — между Польней, Украиной и Великороссией, земли запорожских казаков неминуемо должны были пропускать через себя главнейшие пути к означенным морям от названных стран и из центральных городов. Из этих

⁷³ Мышецкий. История о казаках запорожских. Одесса, 1852, 18; Срединский. Материалы для флоры Новороссийского края. Одесса, 1872; Акинфиев. Растительность города Екатеринослава. Екатеринослав, 1889.

путей одни шли по Днепру и его притокам, другие — по степи вдоль или поперек ее балок и оврагов; первые — речные пути, вторые — сухопутные. Главный речной путь начинался от верхних границ вольностей запорожских казаков, выше правого притока Днепра, Сухого Омельника, и левого, реки Орели, и оканчивался против устья правого же притока Днепра, реки Буга; это — часть того знаменитого пути «из варяг в Царьград», которым некогда ходили наши предки, еще будучи язычниками, в Византию с торговыми и завоевательными целями на своих однодревых ладьях или моносилах. Сухопутные пути составляли так называемые шляхи, то есть большие торговые или битые дороги, тянувшиеся вдоль и поперек запорожских земель и выходившие далеко за границу их. Из последних самыми известными были: Муравский шлях, шедший по водоразделу Днепровского и Азовско-Донского бассейна, и Черный, шедший по водоразделу между Бугом и Днепром, с их боковыми второстепенными ветвями.

Муравский шлях, получивший свое название, по более вероятному перед другими объяснению, от травы муравы⁷⁴, шел из глубины России, от Тулы, мимо Курска, Белгорода, в слободскую Украину,

⁷⁴ Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 219.

потом через Орель в Запорожье; в Запорожье через реку Самару, Волчьи Воды и Конку; ниже Конки выходил за пределы казацких вольностей и тянулся до самого Перекопа⁷⁵. Муравский шлях у русских считался способнейшим, прямейшим, гладким и ровным путем из Руси к татарам; у казаков он именовался «ответным, бескрайным» шляхом; о нем запорожцы говорили: «лежить — гася простяглася, а як устане, то и небо достане». В пределах Запорожья он шел на протяжении более 200 верст и на этом пространстве пролегал по безлюдной и дикой степи, где, кроме небольшого жилья на Самаре, до XVIII века не было ни городов, ни сел, ни хуторов, ни заезжих дворов; зато по обеим сторонам его в обильное дождями лето росла такая густая высокая трава, что за ней не было видно ни человека, ни волов: как идет, бывало, чумаки по шляху, то от него только и видно, что «высокая шапка та довгий батиг»; а кругом стоит, как море, седой усатый ковыль, низко нагибающийся то в одну, то в другую сторону от легкого дуновения степного ветерка; если свернет воз с дороги, то и не выпутает из густой травы своих колес. Немудрено поэтому, что

⁷⁵ Подробности о Муравском шляхе см. в том же сочинении.

путешественники, следовавшие из России через Запорожье в Крым или Татарию, останавливались на ночлег в открытой степи и под открытым небом, спускаясь или на склон какой-либо балки, или на берег какой-нибудь реки; неудивительно также и то благоразумное опасение, с которым путники шли по этому шляху: так, московские послы, Василий Тряпкин и Никита Зотов, шедшие в 1681 году в Крым, повернув от Сум к Муравскому шляху, взяли с собой для охраны 600 рейтар и украинских казаков⁷⁶. К этим неудобствам движения по Муравскому шляху присоединялось еще и то, что путешественникам часто приходилось или идти в брод чрез встречавшиеся на пути речки, или же самим мостить гати и по ним переправляться с одного берега на другой. Муравский шлях был обыкновенной дорогой, по которой татары врывались в Украину: «А ходят из Крыма татаровя по сей левой стороне Днепра на Муравские шляхи, не переходя Днепра, украинские пороги». По Муравскому шляху не раз и запорожские казаки делали свои набеги на Крым⁷⁷. В XVII веке, после

⁷⁶ Записки Одесского общества старины и древностей. II, отд. II, III, 572–573.

⁷⁷ Акты Южной и Западной России, XI, 15; XII, 101, 102.

возведения городов в слободской Украине, татары уже старались избегать Муравского шляха: «Крымские люди Муравской и Изюмской соймой против крепостей не пойдут»⁷⁸, как говорится в «Актах Южной и Западной России».

Из боковых веток Муравского шляха известны были: Крымский, или Чумацкий, отделявшийся от Муравского у Волчьих Вод, шедший вдоль левого берега Днепра по-над Великим Лугом, потом поворачивавший от Днепра в степь и доходивший до города Перекопа; Изюмский, сходившийся с Муравским «у верха реки Орели», и Кальмиусский, сходившийся с Муравским у Конских Вод⁷⁹.

Черный Польский, или Шпаков шлях (у турок — Чорна Ислах)⁸⁰, получивший свое название от Черного леса, выходил из глубины Польши от Варшавы на Кознице, Пулавы, Маркушев, Люблин, Жолкеев, Львов, мимо Умани, на Тарговицу, через речку Синюху и отсюда в пределы вольностей запорожских казаков через речки Олыпанку,

⁷⁸ Там же, X, с. 414.

⁷⁹ Подробности в нашем труде «Вольности казаков», 225.

⁸⁰ Шермуа. Набег крымских татар на Польшу в 1653 г.

Кильтень, вдоль Малой Выси, на Великую Выську, над вершинами Костоватой и Бобринца, потом — водоразделом между Ташлыком и Мертвоводом до устья самого Ташлыка к Бугу, наконец, за Буг до шляха Керван-Иоль, то есть Караванной дороги.

Кроме Черного шляха по западной окраине вольностей запорожских казаков шли еще шляхи: Крюковский от Крюкова вдоль правого берега Днепра, мимо порогов, на Кичкас, потом на Крымский (Чумацкий) шлях. Крымский от Китай-города на Романково, вдоль речки Базавлука, потом через Базавлук с правого на левый берег его, до станции Степной, отсюда — через Днепр, его притоки Святую Горькую Воду, Белозерку, Рогачик и, наконец, в Татарию: это была «дорога, по которой купцы шли прямо в Крым». Переволочанский шлях от Переволочны на Саксагань, Базавлук, Солоную, в Новую Сечу и потом — с правого на левый берег Днепра до Крымского шляха. Микитинский от Мишурина Рога на Коржевы могилы, Базавлук, Солоную, Чертомлык, Микитино, через Днепр и на Крымский шлях. Кизыкерменский от Кременчуга на Желтое, Куричью Балку, Недайводы, водоразделом Саксагани и Ингульца, на Кривой Рог, вдоль Ингульца, через Давыдов Брод, в Кизыкермень, через Днепр и на Крымский шлях. Кроме того, между Микитинским и Кизыкерменским шляхами

были еще Коржев и Саксаганский шляхи.

В юго-западной окраине вольностей запорожских казаков пролегали три шляха — Гардовый, или Королевский, Сечевой-высший и Сечевой-низший. Гардовый шлях получил свое название от Гарда на Буге, он же носил название Королевского — как думают, оттого, что на нем польский король Ян Альбрехт в 1489 году одержал победу над татарами и турками⁸¹; он выходил из Подолии, шел через Буг по одному из каменных мостов, построенных Витовтом на этой реке⁸², потом входил в пределы вольностей запорожских казаков и тут тянулся на продолжении 300 верст, отличаясь замечательной прямизной, до устья речки Каменки, где была Каменская Сечь, и до турецкого города Кизыкерменя, а оттуда — к Гаванскому перевозу и далее в Крым⁸³. Сечевой-высший шлях также шел от Гарда на Белоновку и потом тянулся вверх до Сечи на речке Подпильной. Сечевой-низший шел параллельно

⁸¹ Федор Карлович Брун. Черноморье. Одесса, 1879, I, 156.

⁸² Список населенных мест; Херсонская губ. СПб., 1868, XXVIII.

⁸³ Яворницкий. Вольности запорожских казаков, 231.

высшему, так же от Буга на Балацково и до Сечи на Подпильной⁸⁴.

Между последними трактами по речкам Ингульцу, Саксагани и Ингулу до Балацкого разбросаны были запорожские зимовники, а ниже Балацкого не было никаких зимовников; только в летнее время, когда запорожцы садились вдоль Днепра и Буга до самых лиманов, для рыбных ловель и звериных гонов, только тогда здесь появлялись временные запорожские жилища; с турецкой же стороны по всем местам от Сечи до Гарда, между Днепром, Бугом и лиманом, вовсе не было никаких селений; на всем пространстве этих двух трактов и на далеком расстоянии от них была одна дикая степь; лесов тут почти не было, кроме леса на Громоклее, впадающей в Ингул выше Балацкого, где рос лесной байрак около мили в длину, да на реке Ингульце, около Балацкого, и у реки Буга, в виде малых терновников и чащ. Польские купцы шли в Гард через крепость Архангельск, Цыбулев и другие русские города и селения; из Гарда они продолжали путь или в Сечь, или в Очаков; в последнем случае купцы переправлялись через Буг выше Гарда около версты; в этом месте переправы стояла запорожская

84 Там же.

застава из 80 человек с особым полковником во главе, без ведома которого никто не смел ни переезжать из земель запорожских казаков на турецкую сторону, ни из земель турецких на запорожскую сторону⁸⁵; для полной безопасности проезжавших по степям запорожских казаков пограничными полковниками давался особый знак, пернач, который путешественники обязаны были хранить во время их поездки и предъявлять по требованию запорожскому товариществу или кому-либо из его старшин.

Путешественники, купцы и торговцы, проезжавшие через земли запорожских казаков прямыми или боковыми шляхами, неминуемо встречались с большими или малыми реками и неминуемо должны были или переезжать их вброд, при незначительной воде, или переправляться на лодках, паромах и плотках, при значительной воде, особенно в реке Днепре; в последнем случае с проезжавших запорожцы взимали известную плату, составлявшую главнейший источник их войсковых доходов.

Из всех днепровских переправ и бродов историческую известность приобрели у запорожских казаков следующие 22: Кременчужский

⁸⁵ Яворницкий. Сборник материалов. СПб., 75.

брод и Успенская переправа у Карменчика, и ниже его Гербедееская; Мишуриногорская, против Мишурина-Рога, Романовская, против села Романкова; Будилово-Таволжанская, против порога Будиловского и заборы Таволжанской; Крарийская, или Кичкасская, получившая свое название или от армянского князя Кискаса II, после которого намехские армяне приходили в 1602 году в Киев на помощь русским против поляков ⁸⁶, или от тюркского корня «ког-ког» — «проходи», «иди прочь», в смысле пункта, откуда начиналась переправа ⁸⁷; Микитинская, или Каменно-Затонская, против Микитина Рога на правом берегу Днепра и Каменного Затона на левом; Белозерская, Рогачицкая и Каирская, против Белозерки, Рогачика и Каирки, левых притоков Днепра; Носоковская, против острова Носоковки; Каменная, против места бывшей Каменной Сечи; Таванская, называемая у турецкого историка Найимы переправой Диван-Гечиди, у острова Тавани и города Кизыкерменя; Дремайловская и Казацко-Каменная, близ устьев рек Дремайловки

⁸⁶ Глинка. Обзорение истории армянского народа. М., 1883, II, 290.

⁸⁷ Никольский. Южный Край. Харьков, январь 31, 1891 г.

и Казацкой Каменки; Бургунская, против острова Бургунки; Тягинская, близ устья речки Тягинки; Высший перевоз на две версты ниже впадения Ингульца в Днепр, в теперешней Перевизке, урочище села Фалеевки, имения Н. Н. Комстадиуса; Вереvчина и Белозерская, близ впадения этих речек в Днепр⁸⁸.

Из бродов и переправ реки Буга известны были следующие девять переправ и бродов: Витовтов брод, ниже устья Синюхи; Мигийский перевоз, против Мигийского Ташлыка; Песчаный перевоз, на три версты выше Гарда; Гардовый перевоз, у самого Гарда; Кременецкий брод, на шесть верст ниже Гардового; Безыменный перевоз, на две версты ниже Кременецкого; Чартайский брод, против речки Чарталы; Овечий брод, на восемь верст ниже Чартайского; Соколанский перевоз, против селища Соколан. Выше Буга был брод Синюхин, через речку Синюху.

Кроме переправ и бродов через Днепр, Буг и Синюху были еще два «шляховых» брода через реку Ингул, несколько бродов через речки Мертвовод, Гарбузинку, Ингулец, где известны были Давыдов брод на 60 верст выше устья

⁸⁸ Подробности о переправах в нашем труде «Вольности казаков», 231–241.

Ингульца, и Бекеневский, или Белый брод, несколько ниже Давыдова; далее через речки — Каменку, Бешку, притоки Ингульца, реку Орель, где известен был Стешин брод на пути Мурайского шляха; через речку Волчью, Злодийский брод, и семь бродов через реку Самару: Песчаный, Калинов, Вольный, Гришкин, Кочереженский, Терновский и Чаплинский⁸⁹.

Глава 3. Производительность земли; флора, фауна и времена года Запорожского края

По силе и степени производительности край вольностей запорожских казаков может назваться в одно и то же время и изумительно богатым, и изумительно бедным; все зависело здесь не столько от речных и ключевых вод, сколько от атмосферной и дождевой влаги: в дождливое лето растительность здесь достигала невероятных размеров, урожай получался баснословный; в знойное и сухое лето растительность погибала, неурожай влек за собой страшные бедствия. Вот отчего у разных писателей так различно описывается край вольностей

⁸⁹ Подробности о бродах в нашем труде «Вольности казаков», 235–241.

запорожских казаков: по одним — это богатейшая и счастливейшая страна, по другим — это дикая, безводная, выжженная солнцем, лишенная всякой растительности пустыня. Даже у одного и того же писателя, только в различное время года, Запорожский край часто изображался совершенно различно.

Наиболее плодородные места были здесь по низменностям или по так называемым подам рек Днепра, Самары, Орели, Омельника, Самоткани, Домоткани и др.; наименее плодородные места были в Бугогардовской и Кальмиусской паланках, близ рек Буга и Кальмиуса. Отец истории, Геродот, живший в V веке до Р. Х., описывает страну скифов, часть которой впоследствии принадлежала запорожским казакам, в таких словах: «Земля у них ровная, изобилует травой и хорошо орошена; число протекающих через Скифию рек разве немного только меньше числа каналов в Египте. Четвертая река, Борисфенес (Днепр), по нашему мнению, самая богатая полезными продуктами не только между скифскими реками, но и между всеми вообще, кроме, впрочем, египетского Нила. Из прочих же рек Борисфенес наиболее прибыльная: он доставляет прекраснейшие и роскошнейшие пастбища для скота, превосходную рыбу в большом изобилии, вода на вкус очень приятна, чиста, тогда как рядом с ним текущие реки имеют мутную воду;

вдоль него тянутся превосходные пахотные поля или растет очень высокая трава в тех местах, где не засеивается хлеб; у устья реки сама собою собирается соль в огромном количестве; в Борисфенесе водятся огромные рыбы без позвоночного столба, называемые антокаями и идущие на соленье»⁹⁰. Гораздо позже Геродота, в XVI веке, современник запорожских казаков описывает богатство их страны в таких чертах: «В этой стране, приднепровских степях, трава растет чрезвычайно высоко и столь густо, что нет возможности ездить на колесах, потому что она впутывается между спиц и препятствует свободному их движению. В лесах и на деревьях множество пчел; в этой стране растет в изобилии, само по себе, особое растение наподобие винных лоз; туземцы считают его диким виноградом»⁹¹. В XVII веке, по словам Боплана, в реках и озерах Запорожского края, каковы: Пселский и Ворскальский Омельники, Самоткань, Домоткань, Орель, Самарь и др. — водилось множество рыбы и раков: в Орели в одну тоню рыбаки вытаскивали до

⁹⁰ Геродот в переводе Ф. Г. Мищенко. М., 1885, I, 320.

⁹¹ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I, 604.

2000 рыб, около фута наименьшей величины; в Самоткани и смежных с нею озерах водилось такое количество рыбы, что она от собственного множества умирала, портила воду и заражала воздух; в Домоткани водилось множество раков, иногда до 9 дюймов длиною, и особая, превкусная, рыба чилики; Самара изобиловала рыбой, медом, воском, дичиной и строевым лесом и за свое богатство прозвана святою рекою⁹²; окрестности Самары запорожские казаки называли обетованною Палестиной, раем Божиим на земле, а всю землю около реки — землей «дуже гарною, цветнучею и изобилующую», самый город Самарь — «истинно новым и богатым Иерусалимом»⁹³.

В конце того же века московские послы Никита Моисеевич Зотов и Василий Михайлович Тяпкин в том же роде описывают места по рекам Орели и Самаре: «Там зверя и птиц, и рыб множество... Вод и конских кормов, и рыб и птиц, также зверей, которых Господь Бог благословил людям в пищу, там довольно»⁹⁴.

⁹² Бошан. Описание Украины, 15–19.

⁹³ Феодосий. Самарский Пустынно-Николаевский мои. Екатер., 1873, 8.

⁹⁴ Записки Одесского общества истории и древностей, т. II,

В XVIII веке очевидец, участник Русско-турецких войн при императрице Анне Ивановне, Христофор Манштейн, изображает богатство запорожских степей в таких словах: «Земля та есть прекраснейшая в Европе; но великий ущерб, что не населена по причине недостатка леса и воды; ибо часто случается, что, идучи четыре или пять миль, не видно ни одного кусточка, ни самой малой речки, что и принуждает возить с собой всегда дрова и воду для варения пищи из стана в стан, по неизвестности найти их впереди; возить также большую бочку воды для каждой роты, чтобы давать пить ратникам во время похода. Бочки употребляются еще и на другое дело: в каждом полку должно иметь оных от восьми до десяти, и по стольку же толстых досок, из которых делали мосты для перехода пехоты и легких повозок, а военные помосты употребляли только для больших и тяжелых фур и конницы... Чтоб дать понятие о плодородии сих земель, довольно сказать, что травы растут там выше человека самого великорослого. Находится тут спаржа в великом множестве, и травоведцы находят также некоторый род особой травы, которую турки и татары употребляют на делание своих светильников. В

июле и августе месяцах татары выжигают траву на степи; ибо как они не умеют косить и сушить сено, то травы сами собой высыхают от больших жаров, бывающих в июне, июле и августе, почему принуждены их жечь, без чего старая, сухая, загнушила бы совсем молодую. Татары часто также выжигают траву, чтоб лишить неприятелей конского корма; и ежели при таковых случаях не возьмут предосторожности от сего пожара, то весь стан подвергается опасности сгореть. Для избежания сего граф Миних отдал приказ, чтоб на каждой повозке иметь большое помело для тушения пожара. Надобно также взрывать землю шириною на два фута около стана рвом, и сим средством прекращать огонь от опасности дальнейшего распространения пожара. Всякой дичи, как то: зайцев, куропаток, тетерек, глухих тетеревей и прочей — в тамошних местах много; воинство ловят их руками множество, а кроме того, столько там перепелок, что каждый день похода можно иметь их сколько хотят»⁹⁵. В конце того же XVIII века о запорожских местах писалось в Москву: «Места имеют они — запорожские казаки — изобильные реками, лесами, и плодородную землю;

⁹⁵ Христофор Манштейн. Записки о России. М., 1823, I, 211–214.

пользуются великими доходами от скотоводства, рыбными ловлями в Днепре и приморских заливах, на устье реки Кальмиуса, Берды, и близ Очаковского лимана, и в оном по договору с турками за отпускаемые ими в Очаков лес и дрова»⁹⁶. В это же время точными донесениями о занятиях запорожских казаков сообщалось, что хлеб, засеваемый ими, давал урожай превосходный — рожь и пшеница в 9 и 10, просо в 80 и 40 раз против посеянного ⁹⁷. Уже после падения Запорожья официальные данные представляли богатство бывших земель запорожских вольностей в таких красках. Обратимся снова к уже знакомым нам «Запискам Одесского общества истории и древностей»: «Обширное пространство плодovitых и тучных земель, которые прежде бывшими запорожцами оставлены были в небрежении непонятном, возделывается; помещики, взявшие дикопоросшие дачи, обрабатывают оные прилежно и населяют людьми, да и казенные поселяне с довольным рачением трудятся в земледелии,

⁹⁶ Архив исторических сведений до России Калачева. СПб., 1861, 6.

⁹⁷ Записки Одесского общества истории и древностей, VII, 169, пр. 19; 185.

ощущая, очевидно, труды свои сугубо награждаемые. Качество земли производит всякого рода хлеб — рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, просо, лен, конопель и прочее; из огородных овощей арбузы отменно сладкие и крупные⁹⁸, красные и белые дыни, разные огурцы, земляные яблоки, чеснок, лук, свекла, петрушка и многие другие. В рассуждении пространных степных мест великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатого скота и овечьи заводы суть главнейший предмет, зажиточнейший, к получению изрядного прибытка. Скотоводство здесь содержать тем удобнее, что скот, особливо рогатый и лошади, почти через целую зиму могут себе в поле сыскивать пастьбу. Воздух здесь благорастворенный; вода в реках и озерах сладка и здорова, к продовольствию жителей служащая; рыбы находится изобильно разного рода. В лесах хотя недостаток, однако, в отвращение оного выращиваются ныне и посевом и рассадкою разные деревья. Звери в лесах и степях водятся; дикие птицы в большом количестве»⁹⁹.

⁹⁸ В местечке Котовке, Екатеринославской губернии, Новомосковского уезда, автор настоящего труда видел в 1889 г. арбуз весом пуд и три фунта.

⁹⁹ Записки Одесского общества истории и древностей, III,

Наконец, в начале XIX века о запорожских землях писал французский маркиз де Кастильно следующее: «Новороссия очень обширна, и между различными частями ее мы встречаем чувствительную разницу. Воздух здесь вообще превосходен, за исключением болотных мест... Различен воздух степей от воздуха берегов моря и Крымских гор. Степной воздух можно назвать самым чистым во всей Европе; холод зимою здесь бывает, без сомнения, очень чувствителен, но ветер не так порывист, как на берегах моря; нередко снег не выпадает несколько лет подряд, между тем как смежные страны на восток и на запад бывают им покрыты. Это непостоянно; но какая же точка земного шара не терпит изменений?.. Зимы в Новороссии сравнительно мягче, чем в Северной Франции; это не должно казаться странным. От Одессы до 60° широты — цепь гор, и когда северные ветры постоянно дуют, все на пути подвержено их влиянию, между тем другие ветры делают температуру Новороссии теплой, соответственно ее географическому положению. В этой, не защищенной от холода, стране зима бывает суровее, чем в более защищенных местностях, находящихся на одинаковой с ней широте... Весна

начинается в апреле, и уже через 10–15 дней земля бывает покрыта зеленью. В это время года тысячи разнообразных цветов покрывают степь пестрым ковром; чудное благоухание носится в воздухе, и путешественник мог бы прийти в полный восторг от всего окружающего, если бы его не удручала мысль о недостатке рабочих рук для этой роскошной почвы.

Вид степи меняется от большей или меньшей засухи: травы достигают здесь высоты 8 футов; на черноземе мне случалось их видеть даже 9 футов высоты. Благодаря глубине девственной земли, жирной, изобилующей питательными соками, сила растительности здесь необычайна. Густота травы предохраняет почву от жгучих лучей солнца, а росы бывают так обильны, что проникают в землю раньше, чем солнце успеет их высушить. При засухе травы редуют, но первый дождь заполняет новыми все те промежутки; таким образом животные постоянно снабжаются свежим кормом. Испарения больших трав несколько не вредны; при восходе и заходе солнца между холмами образуется туман, но деревни, расположенные в низменных местах, ничуть не страдают от этого.

Во время жары дует обыкновенно северный ветер, но он не умеряет жары, теряя свою свежесть при прохождении громадного пространства, накаленного солнцем; летняя долгота дней

увеличивается по мере приближения к полюсу, почему можно заключить, что в Новороссии летом бывает жара сильнее, чем во всех других точках земного шара, находящихся на одинаковом градусе. Часто случается несколько дней подряд 17–20 градусов жары; но я никогда не видал, чтоб термометр поднимался выше 26 1/4 градуса, 25 градусов обыкновенно наивысшая температура. Изменения происходят всякую неделю. Один европеец сказал: «Жаркое солнце Новороссии — не наше. Действительно, здесь можно вполне безопасно предоставить себя всей силе солнечных лучей; работники, наиболее подвергающиеся действию их, не прекращают своих работ, каменщик распевает песни, беля стены, расположенные на юг и отражающие горячие лучи; каменотес засыпает в июле в часы отдыха, положив часто обнаженную голову на свою работу. И это происходит на одном градусе широты с Женевой, Маконе, Гере, Рошель, где улицы бывают пусты от 2–4 часов дня. В Одессе ветер препятствует иногда выходу на улицу, но солнце — никогда. Осень — самое лучшее время года в этих местах. Весна продолжается недолго; переход от холода к теплу совершается быстро; но прекрасная осень заменяет кратковременную весну: степь сохраняет зелень до декабря. Если осень не очень дождлива, земля так пересыхает, что плуг с трудом идет по ней: пашут

шестью — восемью волами зараз... В других странах клочок бесплодной земли, обремененный налогами, отстаивается с оружием в руках, призывается закон на помощь, из-за него ведутся в судах тяжбы, стоящие громадных издержек; здесь же превосходная почва предоставляется или совсем даром, или на легких условиях трудолюбивым людям, могущим обогатиться почти без всяких усилий: стоит только пожелать этого. Земля чрезвычайно плодородна; правда, она лишена леса, исключая северной части Екатеринославской губернии и южной — Крыма. Но в безлесных частях Новороссии жители употребляют вместо топлива высокие сухие травы, называемые бурьяном, и высушенный на солнце коровий и овечий навоз, — все это дает прекрасное и дешевое топливо»¹⁰⁰.

Неудивительно, после всех приведенных описаний, почему в воспоминаниях теперешних стариков страна вольностей запорожских казаков представляется такою богатой и цветущей страной; конечно, в этих воспоминаниях немало и преувеличений, объясняющихся свойствами человеческой природы все прошлое представлять в

¹⁰⁰ Essai sur Phistoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, 3-e vol., Paris, 1820, par le Marquis de Castelnau и др.

лучшем виде, чем настоящее; но все же в общем они имеют большую долю правды, особенно если взять во внимание сходство рассказов стариков с описаниями очевидцев прошлых веков и сходство повествований, записанных в разных, отдаленных один от другого, концах бывших вольностей запорожских.

«Приволье у них такое было, — говорит 116-летний старик Иван Игнатьевич Россолода, — что теперь подобного не сыщешь ни близко, ни далеко. Да что теперь? Теперь так, что волен, да недоволен, а тогда было так, что и волен, и всем доволен. Недаром же говорят, как жили мы за царицей, ели паляницы, а как стали за царя, то не стало и сухаря. Теперь, если сказать, как оно когда-то было, так и не поверят. Тогда всякие цветы цвели, тогда великие травы росли. Вот тут, где теперь у нас церковь¹⁰¹, здесь была такая высокая тирса, как вот эта палка, что у меня в руках: как глянешь, так точно рожь стоит; а камыш рос, как лес: издалека так и белеет, так и лоснится на солнце. А что уже до пырьёв, ковыля, муравы, орошка, кураев и бурунчуков, то как войдешь в них, так только небо да земля и видны — в этаких

¹⁰¹ В селе Чернышовке, или Красногригорьевке, Екатеринославского уезда.

травях дети теряются, бывало. Вот она поднимется вверх, вырастет да снова и падает на землю, да так и лежит, как волна морская, а поверх ее уже и другая растет; как запалишь ее огнем, так она недели три, а то и четыре горит. Пойдешь косить, косою травы не отвернешь; погонишь пасти лошадей, за травой и не увидишь их; загонишь волов в траву, только рога мреют. Выпадет ли снег, настанет ли зима, никакой нужды нет: хоть какой будет снег, а травы надолго не закроет. Пустишь себе коней, коров, овец, то они так пустопаш и пасутся, только около отар и ходили чабанцы; а как загонишь овец в траву, то они меж ней точно муравьи, — только вечером и увидишь; зато уже тогда около них работы — тирсу выбирать, которая поналезет им в волну!.. А что уж меж той травой да разными ягодами, то и говорить нечего: вот это было — как выйдешь в степь да как разгорнишь траву, то так и бери руками клубнику. Этой погани, что теперь поразвелась, овражков да гусеницы, тогда и не слышно было. Вот какие травы были! А пчелы той, а меду? Мед и в пасеках, мед и в зимовниках, мед и в бурдюгах — так и стоит в липовых кадках: сколько хочешь, столько и бери, — больше всего от диких пчел; дикая пчела везде сидит: и на камышах, и на вербах; где буркун, в буркуне, где трава, в траве; за ней и прохода не было: вырубывают, бывало, дупла, где она сидит. А

леса того? Бузины, сведины, вербы, дуба, груш — множество. Груш, как понападает с веток, так хоть бери грабли да горни в валки: так и лежат на солнце, пока не попекутся. Сады когда цветут, то как будто сукном покрываются; так патока с них и течет. А толщина деревьев? Вербы — так, ей-богу, десять аршин в обхвате... Земля свежее была, никто ее не насиловал так, как теперь, снега лежали большие, и воду пускали великую, оттого и дерево росло хорошо. А зверей, а птиц? Волки, лисицы, барсуки, дикие козы, чокалки¹⁰², виднихи — так один за другим и бежать, так и пластают по степи.

Волков такая сила была, что их киями избивали, а из кожи сапоги да кожанки делали. А ежей тех, ежей?.. И говорить нечего! Были и дикие свиньи, такие жирные да здоровые; они больше по плавням шныряли. Вот это как увидишь в плавне какую-нибудь свинью, то скорее бросайся на дерево, а то — хрю-хрю, чмак-чмак! да до тебя, да так рылом и прет! Выставит морду вперед да и слушает, не идет ли кто; как увидит человека, сейчас же до него, товкыц рылом! Свалит с ног, тогда и давай рвать... Были и дикие лошади; они ходили целыми табунами — косяка по три, по

102 «Тот же волк, только злее волка» — замечание рассказчика.

четыре, так и ходят... А что уж птицы было, так Боже великий! Уток, лебедей, дрохв, хохотвы, диких гусей, диких голубей, лелек, журавлей, тетерок, куропаток — так хо-хо-хо! Да все плодющие такие! Одна куропатка выводила штук двадцать пять птенцов в месяц, а журавли как понаведут детей, то только ходят да крякают. Стрепетов сельцами ловили, дрохв волоками таскали, а тетеревей, когда настанет гололедица, дрюками били. И какая ж сила той птицы была? Как поднимется с земли, солнце застелет, а как сядет на дерево, веток не видно — один ком висит, а как спустится на землю, то земля, точно пол в хате, так и зачернеет. Лебеди, бывало, как заведутся биться между собой, то поднимут такой крик, что батько выскочит из бурдюга да давай стрелять из ружья, чтоб поразгонять их, а они как подхватятся вверх, то только порось-порось-порось!.. Теперь нет и того множества рыбы, что была когда-то. Вот эта рыба, что теперь ловят, так и за рыбу тогда не считалась. Тогда все чичуги, пистрюги, коропы до осетры за все отвечали; в одну тоню ее столько вытаскивали, что на весь курень хватало. Да все тогда не так было; тогда и зимы теплее были, нежели теперь, — это уже кацапы своими лаптями понаносили нам холода, а в то время его не особенно было слышно. Оттого тогда и сена мало кто запасал, разве только на то время, когда думали идти в поход, для

верховых лошадей. Тогда и урожаи лучше были — хоть и сеяли немного, а родило достаточно: как четыре мешка посеет, так триста копен нажнет, — нужно было одних жнецов восемь человек, чтобы снять все то до Покрова. Батюшка мой, и где оно все-то подевалось? И очам своим не верю! Вот тут, где теперь стоит наша Чернышовка, тут ни одной хаты не было, чудно только отцовское приволье, а теперь где тот и народ набрался и когда все то позавожил? Теперь и вода перемерена, и земля перерезана, а что до леса, то и говорить нечего: что на сани, что на полудробки, что на олейницы, что то на то, то на сё, да так все и повырубили. Где пряменькое, хорошее да крепкое деревцо, то его сейчас же и истребят. А тут как пошел еще по лесу рогатый скот, то и пней не осталось, и что уцелело, то само позасыхало и попропадало. Да и сам скот ходит точно неживой. Как вырубили леса, пошла на села мошка; за ней теперь и света Божьего не видно, а бедному скоту и отдыха нет; весь облитый кровью так и ходит. Теперь дайте вы вот этой свинье, что ходит, кусок хлеба, то она издохнет от него. А отчего? Оттого, что не привыкла есть!.. Да все теперь перевелось: гадюк меньше стало — повыгорали; в болотах и жаб не слышно — повыздыхали; да и болота теперь есть ли?»¹⁰³

¹⁰³ Яворницкий. Запорожье в остатках старины. СПб.,

«Когда-то тут, — повествует другой старик, Семен Герасименко, о своем Херсонском уезде около Берислава, — по плавням да по скалам, было столько волков, лисиц, зайцев да диких свиней, что за ними и не пройдешь. Дикие кабаны были пудов в десять, а то и больше весом; едва шесть человек на сани положат. Тут было такое множество зверей, что из города присылали верховых, человек сорок или пятьдесят, чтобы разгонять их. Так где тебе? За ними гоняются по степи, а они — в плавни бежать. Ездили с ружьями да с саблями на плавнях и все жгли камыши; так уже тогда немного напугали их, а то просто страшно и выйти. Рыба так та, сердечная, даже задыхалась от множества, а раков штанами ловили. А что до птицы, то и говорить нечего. Как пойдешь на охоту, то домой несешь ее как будто на коромысле. Стрепета, отари, лебеди так пешком по степи и ходят. Травы высокие-превысокие росли, по самую грудь, а то и выше; а роса по траве точно вода: если хочешь идти по степи, то прежде всего скинь штаны да подбери сорочку, а то как намокнут, то и не дотянешь. Как идешь по траве в постолах, то вода только чвырк-чвырк! Лес рос густой да высокий: груш, калины, дикого винограду — не пролезешь. Ночью

страшно было и ходить. А урожаи были такие, о которых теперь и не слышно. Да и дешевизна в то время какая была: пуд проса — десять копеек, пуд пшеницы — сорок копеек, да и то еще дорого».

«Тут тех зверей, тут тех птиц, — рассказывает третий старик, Евдоким Косяк из Александровского уезда Екатеринославской губернии, — так видимо-невидимо было: так пешком по степи и ходят. Приехали мы со своею панею в эти места, где теперь Наковальня — она отошла ей по наследству, — приехали мы да и смотрим, а тут ни хатки, ни куреньца, одна степь да ковыль. Что тут делать? «А что делать? Руби камыш, копай дерн да делай курень». Давай я рубить камыш, давай копать дерн. Нарубил, поставил, обсыпал землей; вот хижина и готова. Ну что ж теперь есть? А есть уж — что хочешь, то и ешь: есть и птица, есть и зверь степной. «Да что мне, говорит паня, та птица да зверь степной? Ты поезжай да поймай дикого поросенка!» Ну что ж, поросенка так поросенка! Сажусь на коня, беру в руки длинный кнут и еду к речке, где была берлога диких свиней. Вот приеду и жду, пока свиньи пойдут пастись в степь, а поросята останутся одни; высмотрю и сейчас же туда; схвачу поросенка да и уходить; да уж бегу, да уж бегу, сколько есть духу, а оно кричит, как бешеное. И что ж вы думаете? Как почуют гаспидовы свиньи, так и лезут, так и лезут под ноги